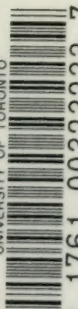

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00323233 7

Garshin, Vsevolod
Mikhailovich
Nadezhda Nikolaevna

PG
3460
G3N3
1920

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by
ESTATE OF THE LATE
JOHN B. C. WATKINS

БИБЛИОТЕКА „НАША РЪЧЬ“. № 11.
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЛЕКТОРА Б. В. МОРКОВИНА

В. М. ГАРШИНЪ:

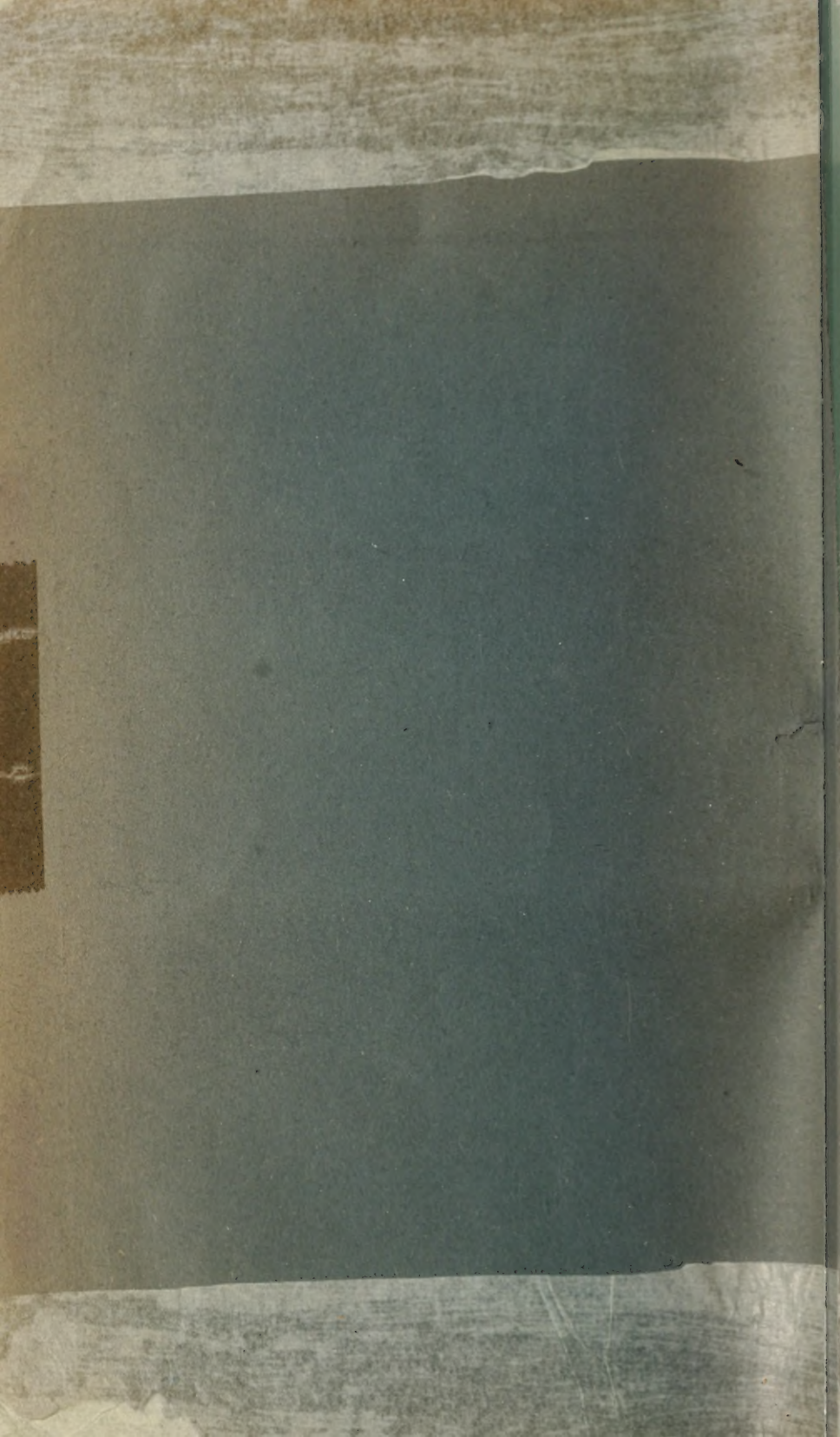
НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

РАЗСКАЗЪ

ВЪ ЧЕШСКОЙ ПРАГЪ

1920

Garshin, Viacheslav Mikhailovich

В. М. ГАРШИНЪ

Nadezhda Nikolaevna

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

РАЗСКАЗЪ

ВЪ ЧЕШСКОЙ ПРАГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАША РЪЧЬ»

1920

PG
3460
G3N3
1920

1028699

Типографія „Политика“ въ Прагѣ.

Я давно хотѣлъ начать свои записки. Странная причина заставляетъ меня взяться за перо: иные пишутъ свои мемуары потому, что въ нихъ много интереснаго въ историческомъ отношеніи; другіе потому, что имъ еще разъ хочется пережить счастливые молодые годы; третьи за тѣмъ, чтобы покляузничать и поклеветать на давно умершихъ людей и оправдаться передъ давно забытыми обвиненіями. Ни одной изъ этихъ причинъ у меня нѣтъ. Я еще молодой человѣкъ; исторіи не дѣлалъ и не видѣлъ, какъ она дѣлается; клеветать на людей мнѣ незачѣмъ и оправдываться мнѣ не въ чемъ. Еще разъ пережить счастье? Оно было такъ коротко, и конецъ его былъ такъ ужасенъ, что воспоминанія о немъ не доставятъ мнѣ отрады... о, нѣтъ!

Зачѣмъ же точно невѣдомый голосъ нашептываетъ мнѣ ихъ на ухо, зачѣмъ, когда я просыпаюсь ночью, передо мною въ темнотѣ проходятъ знакомые картины и образы, и зачѣмъ когда является одинъ блѣдный образъ, лицо его пылаетъ, и руки сжимаются, и ужасъ и ярость захватываютъ дыханіе, какъ въ тотъ день, когда я стоялъ лицомъ къ лицу съ своимъ смертельнымъ врагомъ?

Я не могу отдѣлаться отъ своихъ воспоминаній, и странная мысль пришла въ голову. Можетъ быть, если я изложу ихъ на бумагѣ, я этимъ покончу всѣ свои счеты съ ними... Можетъ быть, они оставятъ меня и дадутъ спокойно умереть. Вотъ странная причина, заставляющая меня взяться за перо. Можетъ быть, эта тетрадка будетъ прочтена кѣмънибудь, можетъ быть — нѣтъ. Это мало занимаетъ меня. Поэтому я могу и не извиняться передъ своими будущими читателями ни въ выборѣ темы для своего писанія, темы, нисколько не интересной людямъ, привыкшимъ заниматься, если не міровыми, то общественными вопросами, ни въ формѣ изложенія. Правда, мнѣ хочется, чтобы эти строки прочелъ одинъ человѣкъ, но этотъ человѣкъ не осудитъ меня. Ему дорого все, что меня касается. Этотъ человѣкъ моя сестра.

Отчего она сегодня такъ долго не идетъ? Вотъ уже три мѣсяца, какъ я пришелъ въ себя послѣ того дня. Первое лицо, которое я увидѣлъ, было лицо Сони. И съ тѣхъ поръ она проводитъ со мной каждый вечеръ. Это сдѣлалось для нея какой-то службой. Она сидитъ у моей постели или у большого кресла, когда я въ силахъ сидѣть, разговариваетъ со мною, читаетъ вслухъ газеты и книги. Ее очень огорчаетъ, что я равнодушенъ къ выбору чтенія и предлагаю его ей.

— Вотъ, Андрей, въ „Вѣстникъ Европы“ новый романъ: „Она думала, что это не такъ“.

— Хорошо, голубчикъ, будемъ читать „Она думала, что это не такъ“.

— Романъ миссисъ Гей.

— Хорошо, хорошо...

И она начинаетъ читать длинную исторію о какомъ-то мистерѣ Скриплѣ и миссѣ Гордонъ и послѣ первыхъ двухъ страницъ обращаетъ на меня свои большіе добрые глаза и говоритъ:

— Это недолго; „Вѣстникъ Европы“ всегда сокращаетъ романы.

— Хорошо, хорошо. Я буду слушать.

Она продолжаетъ читать обстоятельную исторію, выдуманную госпожею Гей, а я смотрю на ея опущенное лицо и не слушаю назидательной исторіи. И иногда, въ тѣхъ мѣстахъ романа, гдѣ, по замыслу госпожи Гей, нужно было бы смѣяться, горькія слезы душатъ мнѣ горло. Она оставляетъ книгу и, посмотрѣвъ на меня проницательнымъ и боязливымъ взглядомъ, кладетъ мнѣ на лобъ свою руку.

— Андрей, милый, опять... Ну, будетъ, будетъ. Не плачь. Все пройдетъ, все забудется... — говоритъ она тѣмъ тономъ, какимъ мать утѣшаетъ ребенка, набившаго себѣ на лбу шишку. И хотя моя шишка пройдетъ только съ жизнью, которая — я чувствую — понемногу уходитъ изъ моего тѣла, я все-таки успокаиваюсь.

О, моя дорогая сестра! Какъ я чувствую цѣну этой женской ласки! Да благословить тебя Богъ, и пусть черныя страницы начала твоей жизни, — страницы, на которыхъ вписано мое имя, смѣнятся радостною повѣстью счастья! Только пусть эта повѣсть не будетъ похожа на утомительное повѣствованіе миссисъ Гей.

Звонокъ! Наконецъ-то! Это она, она придетъ, внесетъ въ мою темную и тихую комнату запахъ свѣжести, нарушитъ ея молчаніе тихою, ласковою рѣчью и освѣтитъ ее своею красотою.

II.

Я не помню своей матери, а отецъ умеръ, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ. Мой опекунъ, дальній родственникъ, перевелъ меня въ одну изъ петербургскихъ гимназій; черезъ четыре года я кончилъ въ ней курсъ. Я былъ совершенно свободенъ; опекунъ, человѣкъ занятый своими огромными дѣлами, въ своихъ заботахъ обо мнѣ ограничивался только выдачей мнѣ денегъ, въ количествѣ, по его мнѣнію необходимомъ для того, чтобы я не бѣдствовалъ. Это былъ

не очень большой доходъ, но совершенно избавлявшій меня отъ заботъ о кускѣ хлѣба и позволявшій мнѣ vybrать себѣ дорогу.

Выборъ былъ сдѣланъ давно. Лѣтъ четырехъ я любилъ больше всего на свѣтѣ возиться съ карандашами и красками, а къ концу курса въ гимназіи рисовалъ уже очень порядочно, такъ что безъ всякихъ затрудненій поступилъ въ Академію Художествъ.

Быль ли у меня талантъ? Теперь, когда я уже никогда не пойду къ холсту, я, кажется, могу безпристрастно взглянуть на себя, какъ на художника. Да, у меня былъ талантъ. Я думаю такъ не по отзывамъ товарищей и знатоковъ, не по быстротѣ, съ какою я прошелъ курсъ академіи, а по тому, жившему во мнѣ чувству, которое являлось всякій разъ, когда я начиналъ работать. Тотъ, кто не художникъ, не можетъ испытать тяжелаго и сладкаго волненія, съ какимъ первый разъ приступаешь къ новому холсту, чтобы начертать на немъ свое созданіе. Тотъ, кто не художникъ, не можетъ испытать забвенія всего окружающаго, когда духъ погруженъ въ образы... Да, у меня былъ талантъ, и я вышелъ бы недюжиннымъ живописцемъ.

Вотъ они висятъ на стѣнахъ — мои холсты, этюды и эскизы, неконченныя, начатыя картины. Вотъ и она... Нужно попросить сестру, чтобы ее убрали въ другую комнату. Или нѣтъ, нужно повѣсить ее какъ разъ въ ногахъ моей постели, чтобы она всегда смотрѣла на меня своимъ грустнымъ, какъ будто чующимъ казнь, взоромъ. Въ синемъ платьѣ, въ нарядномъ бѣломъ чепчикѣ съ большой треххвѣтной кокардой сбоку; съ выбившимся изъ-подъ его бѣлой оборки густыми волнующимися прядями темнокаштановыхъ волосъ, она смотритъ на меня, какъ живая. О, Шарлотта, Шарлотта! Благословлять или проклинать тотъ часъ, когда мнѣ пришла въ голову мысль написать тебя?

А Безсоновъ былъ всегда противъ этого. Когда я въ первый разъ сказалъ ему о своемъ намѣреніи, онъ пожалъ плечами и недовольно усмѣхнулся.

— Шальные вы люди, господа російскіе живописцы, — сказалъ онъ. — Мало у васъ своего! Шарлотта Кордэ! Какое вамъ дѣло до Шарлотты? Развѣ вы можете перенести себя въ то время, въ ту обстановку?

Можетъ быть, онъ былъ и правъ... Но только образъ французской героини такъ занималъ меня, что я не могъ не приняться за картину. Я задумалъ написать ее во весь ростъ, одну, стоящую прямо передъ зрителями, съ глазами, устремленными передъ собой; она уже рѣшилась на свой подвигъ — преступленіе, и это написано только на ея лицѣ: рука ко-

торая несетъ смертельный ударъ, пока еще виситъ безсильно и нѣжно выдѣляется своею бѣлизною въ темносинемъ суконномъ платьѣ; кружевная пелеринка, завязанная накрестъ, оттѣняетъ нѣжную шею, по которой завтра пройдетъ кровавая черта... Я помню, какъ ея образъ создавался въ моей душѣ... Я прочелъ ея исторію въ одной сентиментальной и, можетъ быть, лживой книгѣ, у Ламартина; изъ ложнаго пафоса болтливаго и любующагося своимъ языкомъ и манерой француза для меня ясно и отчетливо вышла чистая фигура дѣвушки—фанатика добра. Я перечиталъ о ней все, что могъ достать, пересмотрѣлъ нѣсколько ея портретовъ, и рѣшился написать картину.

Первая картина, какъ первая любовь, овладѣваетъ душою вполне. Я носилъ въ себѣ этотъ слагавшійся образъ, я обдумывалъ мельчайшія подробности и дошелъ наконецъ до того, что, закрывъ глаза, могъ ясно представить свою Шарлотту.

Но начавъ картину съ счастливымъ страхомъ и радостнымъ волненіемъ, я сразу встрѣтилъ неожиданное и трудно одолимое препятствіе: у меня не было натурщицы.

То есть, онѣ, собственно говоря, были. Я выбралъ, какъ мнѣ показалось, наиболѣе подходящую изъ нѣсколькихъ особъ, занимающихся этимъ дѣломъ въ Петербургѣ, и началъ усердно работать. Но, Боже мой, какъ непохожа была эта Анна Ивановна на взлелѣянное мною созданіе, такъ ясно представлявшееся моимъ закрытымъ глазамъ! Она позировала прекрасно, она не шевелилась по часу и добросовѣстно зарабатывала свой рубль, чувствуя большое удовольствіе отъ того, что ей можно было стоять на натурѣ въ платьѣ и не обнажать своего тѣла.

— Такъ хорошо это въ платьѣ позировать! А то другіе ужъ смотрятъ, смотрятъ, всю-то глазами обыщутъ! — сказала она со вздохомъ и легкой краской на лицѣ, на первомъ сеансѣ. Она сдѣлалась натурщицей всего только мѣсяца два и не могла еще привыкнуть къ своему ремеслу. Русскія дѣвушки, кажется, и никогда не могутъ къ нему привыкнуть.

Я написалъ ея руку, плечи и станъ, но когда принялся за лицо, отчаяніе овладѣло мною. Пухленькое молодое лицо, съ немного вздернутымъ носомъ, добродушными сѣрыми глазками, довѣрчиво и довольно жалобно смотрѣвшими изъ-подъ совершенно круглыхъ бровей, заслонило мою мечту. Я не могъ пересоздать эти неопредѣленные и мелкія черты въ то лицо. Я бился со своей Анной Ивановной три или четыре дня и наконецъ оставилъ ее въ покоѣ. Другой натурщицы не было, и я рѣшился сдѣлать то, чего во всякомъ случаѣ дѣлать не слѣдовало: писать лицо безъ

натуры, изъ головы, „отъ себя“, какъ говорятъ художники. Я рѣшилъ на это потому, что видѣлъ ее передъ собою живою. Но когда началась работа, кисти полетѣли въ уголь. вмѣсто живого лица, у меня вышла какая-то схема. Идеѣ недоставало плоти и крови.

Я снялъ холстъ съ мольберта и поставилъ его въ уголь лицомъ къ стѣнѣ. Неудача сильно поразила меня. Помню, что я даже схватилъ себя за волосы. Мнѣ казалось, что и жить-то не стоить, задумавъ такую прекрасную картину (а какъ она была хороша въ моемъ воображеніи!) и не будучи въ состояніи написать ее. Я бросился на кровать и съ горя и досады старался заснуть.

Помню, что когда я уже забывался, позвонили: почтальонъ принесъ письмо отъ кузины Сони. Она радовалась тому, что я задумалъ большую и трудную работу, и жалѣла, что такъ трудно найти натурщицу. „Не пригложусь ли я, когда кончу институтъ? Подожди полгода Андрей, — писала она — я приѣду къ тебѣ въ Петербургъ, и ты можешь писать съ меня хоть десять Шарлоттъ Кордо... если только во мнѣ есть хоть капля сродства съ тою, которая, какъ ты пишешь, теперь владѣетъ твоею душой“.

Соня совсѣмъ не похожа на Шарлотту. Она неспособна наносить раны. Она любитъ больше лечить ихъ и чудесно дѣлаетъ это.

И меня бы она вылечила... если бы это было возможно.

III.

Вечеромъ я пошелъ къ Безсонову.

Я вошелъ къ нему, когда онъ сидѣлъ согнувшись надъ своимъ, заваленнымъ книгами, рукописями и вырѣзками изъ газетъ письменнымъ столомъ. Рука его быстро ходила по бумагѣ: онъ писалъ очень скоро, безъ помарокъ, мелкимъ и ровнымъ кудреватымъ почеркомъ. Онъ мелькомъ взглянулъ на меня и продолжалъ писать: упорная мысль видимо владѣла имъ въ эту минуту, и онъ не хотѣлъ оторваться отъ работы, не передавъ ее бумагѣ. Я сѣлъ на широкій, низкій и очень потертый диванъ (онъ спалъ на немъ), стоявшій въ тѣни, и минутъ пять смотрѣлъ на него. Его правильный, холодный профиль мнѣ былъ хорошо знакомъ: не разъ я зачерчивалъ его въ свой альбомъ, однажды даже написалъ съ него этюдъ красками. Этого этюда у меня нѣтъ: онъ послалъ его матери. Но въ этотъ вечеръ, потому ли, что я усѣлся въ тѣни, а онъ былъ хорошо освѣщенъ ярко падающимъ на него свѣтомъ лампы съ зеленымъ стекляннымъ абажуромъ, или потому, что нервы у меня были разстроены, его лицо

какъ-то особенно привлекало мое вниманіе. Я смотрѣлъ на него и разбиралъ его голову по деталямъ, изслѣдовалъ малѣйшія черты, до сихъ поръ ускользавшія отъ меня. Его голова была безспорно головой сильнаго человѣка. Можетъ быть, не очень талантливаго, но сильнаго.

Четвероугольный черепъ, почти безъ изгиба, переходившій въ широкій и мощный затылокъ, круто спускавшійся и выпуклый лобъ, брови, опущенныя на срединѣ и сжимавшія кожу въ вертикальную складку, сильныя челюсти и тонкія губы — все казалось мнѣ сегодня чѣмъ-то новымъ.

— Чтѣ вы на меня такъ смотрите? — вдругъ спросилъ онъ, положивъ перо и оборачиваясь ко мнѣ лицомъ.

— Почему вы узнали?

— Я чувствовалъ. Кажется, это не предразсудокъ; мнѣ не разъ приходилось испытывать подобное.

— Я смотрѣлъ на ваше лицо, какъ на модель. У васъ преоригинальная голова, Сергѣй Васильевичъ.

— Право? — сказалъ онъ съ усмѣшкою. — Ну, и пусть ее.

— Нѣтъ, серьезно. Вы на кого-то похожи... изъ знаменитыхъ...

— Мошенниковъ или убійцъ? — спросилъ онъ меня, не давъ кончить. — Я въ Лафатера не вѣрю... Ну, чтѣ вы? По лицу вижу, чтѣ плохо. Не выходитъ?

— Да, не совсѣмъ хорошо. Бросилъ, совсѣмъ бросилъ, — отвѣтилъ я отчаяннымъ голосомъ.

— Я такъ и думалъ. Чтѣ-жъ, у васъ, должно быть, натуры нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Вы знаете, Сергѣй Васильевичъ, чтѣ я искалъ. Но все это до такой степени не то, чтѣ просто хотѣ въ отчаяніе приходи. Особенно эта Анна Ивановна; она меня совсѣмъ измучила. Она стерла своей плоской фізіономіей рѣшительно все. Празд, даже, кажется, чтѣ и въ головѣ-то у меня теперь тотъ образъ не такъ ясенъ.

— А былъ ясенъ?

— О, да, совершенно! Если бы можно было писать съ зажмуренными глазами — право, кажется, ничего лучшаго не нужно. Съ закрытыми глазами — она здѣсь, вотъ она — И я, должно быть, пресмѣшнымъ образомъ зажмурился, потому чтѣ Безсоновъ расхохотался.

— Не смѣйтесь; я серьезно огорченъ, — сказалъ я.

Онъ вдругъ оборвалъ свой смѣхъ.

— Огорчены, такъ не буду. Но, право, съ вами смѣхъ и горе. Не я ли вамъ говорилъ: бросьте этотъ сюжетъ!

— Я и бросилъ.

— А сколько работы, траты нервной силы, сколько напраснаго огорченія теперь! Я зналъ, что это такъ выйдетъ. И не потому, чтобы я предвидѣлъ, что вы не найдете модели, а потому, что сюжетъ-то не подходящій. Надо это въ своей крови имѣть. Надо быть потомкомъ тѣхъ людей, что пережили и Марата и Шарлотту Кордэ, и все это время. А вы что? Мягчайшій русскій интеллигентъ, вялый, слабый! Надо быть самому способнымъ на каждый поступокъ. А вы? Можете ли вы, когда нужно, бросить кисть и, выражаясь высокимъ слогомъ, взять кинжалъ? Вѣдь это для васъ нѣчто въ родѣ путешествія на Юпитеръ...

— Я не разъ съ вами спорилъ объ этомъ, Сергѣй Васильевичъ, и кажется, ни мнѣ васъ, ни вамъ меня не убѣдить. Художникъ на то и художникъ, чтобы умѣть поставить въ себя вмѣсто своего я — чужое. Развѣ Рафаэлю нужно было быть Богородицей, чтобы написать Мадонну? Вѣдь это абсурдъ, Сергѣй Васильевичъ. Впрочемъ, я себѣ противорѣчу: я не хочу съ вами спорить, а самъ начинаю.

Онъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но махнулъ рукой.

— Ну, Богъ съ вами! — сказалъ онъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ, мягко ступая войлочными туфлями. — Не будемъ спорить. Не будемъ расгравлять мы язвы сердца тайной, какъ сказалъ кто-то и гдѣ-то.

— Кажется, никто и нигдѣ.

— А и то можетъ быть. Стихи я обыкновенно перевираю... Для утѣшенія, не приказать ли самоварчикъ? Пора вѣдь.

Онъ подошелъ къ двери и громко крикнулъ, какъ кричать на ротномъ ученьѣ:

— Чаю!

Я не любилъ его за эту манеру обращаться съ прислугой. Мы долго молчали. Я сидѣлъ, откинувшись на подушки дивана, а онъ все ходилъ и ходилъ. Казалось, онъ думалъ что-то... И, наконецъ, остановившись передо мною, онъ спросилъ дѣловымъ тономъ:

— А если бы у васъ была натура, вы бы попробовали еще разъ?

— Еще бы! — уныло проговорилъ я. — Да гдѣ ее возьмешь?

Онъ опять походилъ немного.

— Видите ли, Андрей Николаевичъ... Есть тутъ одна... особа.

— Если важная, то она не станетъ позировать.

— Нѣтъ, неважная, очень неважная. Но... очень большое имѣю я при этомъ „но“.

— Да какія тутъ „но“, Сергѣй Васильевичъ? Если вы не шутите...

— Шучу, шучу, этого нельзя...

— Сергѣй Васильевичъ... — сказалъ я умоляющимъ тономъ.

— Послушайте, чтó я вамъ скажу. Знаете, чтó я цѣню въ васъ, — началъ онъ, остановившись передо мной: — мы съ вами почти ровесники, я старше года на два, но я изжилъ и переиспыталъ столько, сколько вамъ придется изжить и переиспытать, вѣроятно, еще въ десять лѣтъ. Я несчастный человѣкъ, злой и... развратный (онъ рѣзко отчеканилъ это слово). Есть многіе развратнѣе меня, но я считаю себя виновнѣе. Я ненавижу себя за то, что не могу быть такимъ чистымъ, какимъ бы я хотѣлъ быть... какъ вы, напримѣръ.

— О какомъ развратѣ и о какой чистотѣ говорите вы? — спросилъ я.

— Я называю вещи ихъ собственными именами. Я часто завидую вамъ, вашему спокойствію и чистой совѣсти; я завидую тому, чтó у васъ есть... Ну, да это все равно! Нельзя и нельзя! — перебилъ онъ самъ себя злымъ голосомъ. — Не будемъ говорить объ этомъ.

— Если нельзя, то хоть объясните, чтó или кто у меня есть? — спросилъ я.

— Ничего... Никого... Да впрочемъ я скажу: сестра ваша, Софья Михайловна. Вѣдь она сестра не очень близкая по родству?

— Троюродная, — отвѣчалъ я.

— Да, троюродная. Она ваша невѣста, — сказалъ онъ утвердительнымъ тономъ.

— Вы почему знаете? — воскликнулъ я.

— Знаю. Догадывался сначала, а теперь знаю. Узналъ отъ матери, не давно она мнѣ писала, — а она тамъ какъ то... Развѣ въ губернскомъ городѣ не все извѣстно всѣмъ? Вѣдь правда? Невѣста?

— Ну, положимъ.

— И съ дѣтства? Родители рѣшили?

— Да, родители рѣшили. Сначала для меня это было шуткой, а теперь я вижу, что такъ оно, кажется, и будетъ. Я не хотѣлъ, чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ кому нибудь, но не особенно горюю, что это узнали вы.

— Я завидую тому, что у васъ есть невѣста, — тихо сказалъ онъ, устремивъ глаза куда то вдаль, и глубоко вздохнулъ.

— Не ждалъ я отъ васъ такой сентиментальности, Сергѣй Васильевичъ.

— Да, я завидую тому, что у васъ есть невѣста—продолжалъ онъ, не слушая меня. — Завидую чистотѣ вашей, вашимъ надеждамъ, вашему будущему счастью, нерастратченной нѣжности и любви, выросшей съ дѣтства.

Онъ взялъ меня за руку, заставилъ сойти съ дивана и подвелъ къ зеркалу.

— Посмотрите на меня и на себя, — сказалъ онъ. — Вѣдь, чтó вы?

Гиперіонъ передъ сатиромъ козлоногимъ.

Сатиръ козлоногій — это я. А вѣдь я крѣпче васъ; кости шире и здоровье крѣпче отъ природы. А сравните: видите вотъ это? (онъ слегка коснулся пальцами начинавшихъ рѣдѣть на лбу волосъ). Да, батюшка, все это „жаръ души, растратченный въ пустынь!“ Да и какой тамъ жаръ души! просто свинство...

— Сергѣй Васильевичъ, не вернемся ли мы къ прежнему? Почему вы отказываетесь познакомить меня съ моделью?

— Да потому, что она въ этой растратѣ участіе принимала. Я сказалъ вамъ: неважная особа, и дѣйствительно неважная. На нижней ступенькѣ человѣческой лѣстницы. Ниже — пропасть, куда она, быть можетъ, скоро и свалится. Пропасть окончательной гибели. Да она и такъ окончательно погибла.

Я начинаю васъ понимать, Сергѣй Васильевичъ.

— То-то. Видите, какое у меня есть „но“?

— Вы можете оставить это „но“ при себѣ. Почему вы считаете долгомъ меня опекать и оберегать?

— Я сказалъ, за что я васъ люблю. За то, что вы чистый. Не вы одинъ, вы оба. Вы представляете собой такое рѣдкое явленіе, что то вѣющее свѣжестью, благоухающее. Я завидую вамъ, дорожу тѣмъ, что хоть со стороны могу посмотрѣть. И вы хотите, чтобы я все это испортилъ? Нѣтъ, не ждите.

— Что же это такое наконецъ, Сергѣй Васильевичъ? Мало вы надѣтесь на мою, вами открытую чистоту, если боитесь такихъ ужасныхъ вещей отъ одного знакомства съ этой женщиной.

— Слушайте! Я могу вамъ дать или не дать ее. Я поступаю согласно своему желанію. Я не хочу вамъ дать ее. Я не даю. Dixi.

Теперь онъ сидѣлъ, а я въ волненіи ходилъ по ковру.

— А вы думаете, что она подходитъ?

— Очень. Впрочемъ, нѣтъ, не очень, — рѣзко оборвалъ онъ — совсѣмъ не подходитъ. Будетъ о ней.

Я просилъ его, сердился, представлялъ всю нелѣпость взятой имъ на себя задачи охранять мою нравственность, и ничего не добился. Онъ рѣшительно отказалъ мнѣ и въ заключеніе сказалъ:

— Я никогда не говорилъ два раза „dixi“.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, — отвѣтилъ я ему съ досадой.

Мы поговорили за чаемъ о какихъ-то пустякахъ и разошлись.

IV.

Я цѣлыхъ двѣ недѣли ничего не дѣлалъ. Ходилъ только въ академію писать свою программу на ужаснѣйшую библейскую тему: обращеніе жены Лота въ соляной столбъ. Все у меня было готово — и Лоть, и домочадцы его, но столба придумать я никакъ не могъ. Сдѣлать что нибудь въ родѣ могильнаго памятника, или просто статую Лотовой супруги изъ каменной соли?

Жизнь шла вяло. Получилъ два письма отъ Сони. Получилъ; прочелъ ея милую болтовню объ институтскихъ порядкахъ, о томъ, что она читаетъ потихоньку отъ аргусовскихъ очей классныхъ дамъ, и присоединилъ къ пачкѣ прежнихъ писемъ, обвязанныхъ розовой ленточкой. Я завелъ эту ленточку еще лѣтъ пятнадцати и до сихъ поръ не могъ рѣшиться выбросить ее. Да и зачѣмъ было выбрасывать? Кому она мѣшала? Но что сказалъ бы Безсоновъ, увидя это доказательство моей сентиментальности? Умилился бы еще разъ передъ моей „чистотой“, или началъ бы издѣваться?

Однако онъ не на шутку огорчилъ меня. Что дѣлать? Бросить картину, или опять искать натуру?

Неожиданный случай помогъ мнѣ. Однажды, когда я лежалъ на диванѣ съ какимъ-то глупымъ переводнымъ французскимъ романомъ и долежался до головной боли и оупѣнія отъ разныхъ морговъ, полицейскихъ сыщиковъ и воскресеній людей, которыхъ смерти хватило бы на двадцать человѣкъ, отворилась дверь и вошелъ Гельфрейхъ.

Представьте себѣ тощія, кривыя ножки, огромное туловище, задавленное двумя горбами, длинныя, худыя руки, высоко вздернутыя плечи какъ будто выражающія вѣчное сомнѣніе, молодое, блѣдное, слегка опухшее, но миловидное лицо на откинутой назадъ головѣ. Онъ былъ художникъ. Любители очень хорошо знаютъ его картинки, писанныя по большей части на одинъ и тотъ же, слегка измѣненный, сюжетъ. Его герои — кошки; были

у него коты спящіе, коты съ птичками, коты, выгибающіе спину; даже пьянаго кота съ веселыми глазами, за бокаломъ вина, изобразилъ однажды Гельфрейхъ. Въ котахъ онъ дошелъ до возможнаго совершенства, но больше ни за что не брался. Если въ картинкѣ, кромѣ кошекъ, были еще какіе нибудь аксесуары — зелень, откуда должны были выглядывать розовый носикъ и золотистые глазки съ узкими зрачками, какая нибудь драпировка, корзинка, въ которой помѣстилось цѣлое семейство котятъ съ огромными прозрачными ушами, то онъ обращался ко мнѣ. Онъ и на этотъ разъ вошелъ съ чѣмъ-то, завернутымъ въ синюю бумагу. Проглянувъ мнѣ свою бѣлую и костлявую руку, онъ положилъ свертокъ на столъ и сталъ развязывать его.

— Опять котъ? — спросилъ я.

— Опять... Нужно, видишь ли ты, тутъ коврикъ немножко... а на другомъ кусокъ дивана...

Онъ развернулъ бумагу и показалъ мнѣ двѣ небольшія, въ полъ-аршина, картинки; фигурки кошекъ были совсѣмъ окончены, но были написаны на фонѣ изъ бѣлаго полотна.

— Или не диванъ, такъ что-нибудь... Ты сочини ужъ. Надоѣло мнѣ.

— Скоро ты бросишь этихъ котятъ, Семень Ивановичъ?

— Да нужно бы бросить, мѣшаютъ мнѣ они, очень мѣшаютъ. Да что же ты подѣлаешь? Деньги! Вѣдь вотъ этакая дрянь — двѣсти рублей.

И онъ, разставивъ тонкія ноги, пожалъ своими и такъ уже вѣчно сжатыми плечами и развелъ руками, какъ будто хотѣлъ выразить изумленіе, какъ такая дрянь можетъ находить себѣ покупателя.

Своими кошками онъ въ два года добился извѣстности. Ни прежде, ни послѣ (развѣ только на одной картинкѣ покойнаго Гуна) я не видалъ такого мастерства въ изображеніи котовъ всевозможныхъ возрастовъ, мастей и положеній. Но обративъ на нихъ свое исключительное вниманіе, Гельфрейхъ забросилъ все остальное.

— Деньги, деньги... — задумчиво повторялъ онъ. — И на что мнѣ, горбатуму чорту, столько денегъ? А между тѣмъ, я чувствую, что приняться за постоянную работу мнѣ становится все труднѣе и труднѣе. Я завидую тебѣ, Андрей. Я два года, кромѣ этихъ тварей, ничего не пишу... Конечно, я очень люблю ихъ, особенно живыхъ. Но я чувствую, какъ меня засасываетъ все глубже и глубже... А вѣдь я талантливѣе тебя, Андрей, какъ ты думаешь? — спросилъ онъ меня добродушнымъ и деликатнымъ тономъ.

— Я не думаю, — отвѣтилъ я, улыбнувшись — а *увѣренъ* въ этомъ.

— Что твоя Шарлотта?

Я махнулъ рукой.

— Плохо? — спросилъ онъ — покажи... — И видя, что я, не сходя съ мѣста, сдѣлалъ отрицательное движеніе головой, онъ самъ пошелъ рыться въ кучѣ старыхъ холстовъ, поставленныхъ въ углу. Потомъ надѣлъ на лампу рефлекторъ; поставилъ мою неоконченную картину на мольбертъ и освѣтилъ ее. Онъ долго молчалъ.

— Я понимаю тебя, — сказалъ онъ. — Тутъ можетъ выйти хорошее. Только все-таки это Анна Ивановна. Знаешь, зачѣмъ я пришелъ къ тебѣ? Пойдемъ со мной.

— Куда?

— Куданибудь. На улицу. Тоска, Андрей. Боюсь, какъ бы опять не впасть въ грѣхъ.

— Ну, вотъ еще вздоръ!

— Нѣтъ, не вздоръ. Чувствую, какъ что-то уже сосетъ здѣсь (онъ показалъ „подъ ложечку“). „Я бѣ хотѣлъ забиться и заснуть“, — неожиданно пропѣлъ онъ жиденькимъ теноркомъ. — Я и пришелъ къ тебѣ, чтобы не быть одному, а то вѣдь начнешь — на двѣ недѣли затянется. Потомъ болѣзнь. Да, наконецъ, и вредно это очень... при такомъ торсѣ.

Онъ повернулся два раза на каблукахъ, чтобы показать мнѣ оба свои горба.

— Знаешь что? — предложилъ я — переѣзжай ко мнѣ. Я удержу тебя.

— Это бы хорошо было. Я подумаю. А теперь пойдемъ. Я одѣлся, и мы вышли.

Мы долго блуждали по петербургской слякоти. Была осень. Дулъ сильный вѣтеръ съ моря. Поднималась вода. Мы побывали на дворцовой набережной. Разъяренная рѣка пѣнилась и охлестывала волнами гранитные парапеты набережной. Изъ черной пропасти, въ которой исчезалъ другой берегъ, иногда блестѣла молнія, и спустя четверть минуты, раздавался тяжелый ударъ: въ крѣпости падали изъ пушекъ. Вода прибывала.

— Я хотѣлъ бы, чтобы она еще поднялась. Я не видѣлъ наводненія, а это вѣдь интересно, — сказалъ Гельфрейхъ.

Мы долго сидѣли на набережной, молча и вглядываясь въ бушующій мракъ.

— Она больше не прибудетъ, — сказалъ наконецъ Гельфрейхъ. — Вѣтеръ, кажется, стихаетъ. Мнѣ жаль! Я не видѣлъ наводненія.. Пойдемъ.

— Куда?

— Куда глаза глядятъ... Пойдемъ со мной. Я сведу тебя въ одно мѣсто. Меня пугаетъ эта природа съ ея чепухой. Богъ съ ней! Лучше посмотримъ человѣческую чепуху.

— Гдѣ же это? Сеничка?

— Да ужъ я знаю... Извозчикъ! — закричалъ онъ.

Мы сѣли и поѣхали. На Фонтанкѣ, противъ деревянныхъ изукрашенныхъ рѣзьбой и пестро расписанныхъ масляной краской воротъ, Гельфрейхъ остановилъ извозчика.

Мы прошли черезъ грязный дворъ, между двумя длинными двухъ-этажными корпусами старинной постройки. Два сильныхъ рефлектора кидали намъ въ лицо потоки яркаго свѣта; они были повѣшены по сторонамъ крыльца стариннаго, но тоже обильно украшеннаго пестрою деревянною рѣзьбою, въ такъ называемомъ русскомъ вкусѣ. Впереди насъ и сзади насъ шли люди, направляющіеся туда же, куда и мы — мужчины въ мѣховыхъ пальто, женщины въ длинныхъ дипломатахъ и пальмерстонахъ изъ претендующей на роскошь матеріи: шелковые цвѣты по плисовому полю, съ боа на шеяхъ и въ бѣлыхъ шелковыхъ платкахъ на головахъ; все это входило въ подъѣздъ и, поднявшись на нѣсколько ступенекъ лѣстницы, раздѣвалось, обнаруживая по большей части жалко роскошные туалеты, гдѣ шелкъ замѣняла на половину бумага, золото — бронза, брилліанты — шлифованное стекло, а свѣжесть лица и блескъ глазъ — цинковыя бѣлила, карминъ и тердесень.

Мы взяли въ кассѣ билеты и вступили въ цѣлую анфиладу комнатъ, уставленныхъ маленькими столиками. Душный воздухъ, пропитанный какими-то странными испареніями, охватилъ меня. Табачный дымъ, вмѣстѣ съ запахомъ пива и дешевой помады, носились въ воздухѣ. Толпа шумѣла. Иные безцѣльно бродили, или сидѣли за бутылками у столиковъ; тутъ были мужчины и женщины, и странно было выраженіе ихъ лицъ. Всѣ притворялись веселыми и говорили о чемъ-то; о чемъ — Богъ вѣсть! Мы подошли къ одному изъ столиковъ. Гельфрейхъ спросилъ чаю. Я мѣшала его ложечкой и слушала, какъ рядомъ со мною низенькая, полная брюнетка, съ цыганскимъ типомъ лица, медленно и съ достоинствомъ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ и съ какимъ-то оттѣнкомъ гордости въ голосѣ, отвѣчала своему кавалеру на его вопросъ, часто ли она здѣсь бываетъ.

— Я бываю здѣсь одинъ разъ въ недѣлю. Я не могу часто бывать, потому что нужно въ другое мѣсто. Вотъ какъ: третій день я была въ Нѣмецкомъ клубѣ, вчера въ

Орфеумѣ, сегодня здѣсь, завтра въ Большой театрѣ, послѣ завтра въ Приказчій, потомъ въ оперетту, потомъ Шато-де-флеръ... Да, каждый день гдѣ-нибудь бываю; такъ и проходитъ *die ganze Woche*... — И она гордо посмотрѣла на своего собесѣдника, который даже съежился, услышавъ столь пышную программу удовольствій. Это былъ бѣлобрысый человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ узкимъ лбомъ, съ нависшею на него гривкою, съ бронзовою цѣпочкой. Онъ вздохнулъ, робко глядя на свою великолѣпную даму. Увы, гдѣ ему, скромному апраксинскому приказчику, преслѣдовать ее изо дня въ день по клубамъ и кафе-шантанамъ?

Мы встали и пошли бродить по комнатамъ. Въ концѣ анфилады ихъ широкая дверь вела въ залъ, назначенный для танцевъ. Желтыя шелковыя занавѣски на окнахъ и расписанный потолокъ, ряды вѣнскихъ стульевъ по стѣнамъ, въ углу залы большая бѣлая ниша въ формѣ раковины, гдѣ сидѣлъ оркестръ изъ пятнадцати человѣкъ. Женщины, по большей части обнявшись, парами ходили по залу; мужчины сидѣли по стѣнамъ и наблюдали ихъ. Музыканты настраивали инструменты. Лицо первой скрипки показалось мнѣ немного знакомымъ.

— Вы ли это, Федоръ Карловичъ?—спросилъ я, трогая его за плечо.

Федоръ Карловичъ обернулся ко мнѣ. Боже мой, какъ онъ обрюзгъ, опухъ и посѣдѣлъ!

— Да, я — Федоръ Карловичъ, и что же вамъ угодно?

— А помните, въ гимназіи?.. Вы приходили со скрипкой на уроки танцевъ...

— А! Я и теперь сижу тамъ, на табуреточкѣ, въ углу залы. Я помню васъ... Вы вальсировали очень ловко...

— Давно вы здѣсь?

— Вотъ третій годъ.

— Вы помните, какъ одинъ разъ вы пришли рано и въ пустой залъ сыграли элегію Эрнста? Я слышалъ.

Музыкантъ блеснулъ своими заплаканными глазами.

— Вы слышали? Вы слушали? Я думалъ, что меня никто не слышитъ. Да, я иногда игралъ... Теперь не могу... Теперь здѣсь; на масляной, на пасхѣ — день въ балаганахъ, вечеръ здѣсь... (Онъ помолчалъ.) У меня четыре сына и одна дочь, — промолвилъ онъ тихо. — И одинъ мальчикъ въ этомъ году кончаетъ *Annen-Schule* и поступаетъ въ университетъ... Я не могу играть элегіи Эрнста...

Капельмейстеръ взмахнулъ смычкомъ нѣсколько разъ; оглушительно дернулъ тощій и громкій оркестръ какую-то польку. Капельмейстеръ, помахавъ такта три-четыре, самъ

присоединилъ свою визгливую скрипку къ общему хору. Пары завертѣлись, оркестръ гремѣлъ.

— Пойдемъ, Сеня, — сказалъ я. — Тоска... Поѣдемъ домой, напьемся чаю и поболтаемъ о хорошемъ.

— О хорошемъ? — спросилъ онъ съ улыбкою. — Ну, ладно, поѣдемъ.

Мы стали проталкиваться къ выходу. Вдругъ Гельфрейхъ остановился.

— Смотри, — сказалъ онъ — Безсоновъ...

Я оглянулся и увидѣлъ Безсонова. Онъ сидѣлъ за мраморнымъ столикомъ, на которомъ стояли бутылка вина, рюмки и еще что-то такое. Низко нагнувшись, съ блестящими глазами, онъ оживленно шепталъ что-то сидѣвшей за тѣмъ же столомъ женщинѣ въ черномъ шелковомъ платьѣ, лица которой намъ не было видно. Я замѣтилъ только ея стройную фигуру, тонкія руки и шею и черные волосы, гладко зачесанные съ затылка вверхъ.

— Благодари судьбу, — сказалъ мнѣ Гельфрейхъ. — Ты знаешь ли, кто эта особа? Радуйся. Это она, твоя Шарлотта Кордэ.

— Она? Здѣсь?

V.

Безсоновъ, держа въ рукѣ рюмку съ виномъ, поднялъ на меня свои оживившіеся и покраснѣвшіе глаза; и на лицѣ его ясно выразилось неудовольствіе.

Онъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ намъ.

— Вы здѣсь? Какими судьбами?

— Пріѣхали посмотреть на васъ, — отвѣтилъ я, улыбаясь. — И я не жалѣю, потому что...

Онъ поймалъ мой взоръ, скользнувшій по его подругѣ, и рѣзко перебилъ меня.

— Не надѣйтесь... Этотъ Гельфрейхъ уже сказалъ вамъ... Но изъ этого ничего не выйдетъ. Я не допущу. Я увезу ее...

И быстро подойдя къ ней, онъ громко сказалъ:

— Надежда Николаевна, поѣдьте отсюда.

Она повернула голову, и я увидѣлъ въ первый разъ ея удивленное лицо.

Да, я увидѣлъ ее въ первый разъ въ этомъ вертепѣ. Она сидѣла здѣсь съ этимъ человѣкомъ, иногда спускавшимся изъ своей эгоистически дѣятельной и высокомерной жизни до разгула, она сидѣла за опорожненной бутылкой вина; глаза ея были немного красны, блѣдное лицо измято, костюмъ небреженъ и рѣзокъ. Вокругъ насъ тѣснилась толпа празднующающихся гулякъ, купцовъ, отчаявшихся въ воз-

возможности жить, не напиваясь, несчастныхъ приказчиковъ, проводящихъ жизнь за прилавками и отводящихъ свою убогую душу только въ такихъ притонахъ падшихъ женщинъ и дѣвушекъ, только прикоснувшихся губами къ гнусной чашѣ, разныхъ модистокъ, магазинныхъ дѣвочекъ... Я видѣлъ, что она уже падаетъ въ ту бездну, о которой говорилъ мнѣ Безсоновъ, если уже совсѣмъ не упала туда.

— Поѣдемъ же, поѣдемъ, Надежда Николаевна! — горопилъ Безсоновъ.

Она встала и, смотря на него съ удивленіемъ, спросила:

— Зачѣмъ? Куда?

— Я не хочу оставаться здѣсь...

— И можете ѣхать... Это, кажется, вашъ знакомый и Гельфрейхъ?

— Послушай, Надя... — рѣзко сказалъ Безсоновъ.

Она нахмурила брови и бросила на него гнѣвный взглядъ.

— Кто вамъ далъ право такъ обращаться ко мнѣ? Сеничка, милый мой, здравствуйте!

Семень поймалъ ея руки и крѣпко жалъ ихъ.

— Послушай, Безсоновъ, — сказалъ онъ — полно дурить. Поѣзжай домой, если хочешь, или оставайся, а Надежда Николаевна останется съ нами. У насъ есть къ ней дѣло, и очень важное. Надежда Николаевна, позвольте вамъ представить: Лопатинъ, мой другъ и его (онъ указалъ на нахмурившагося Безсонова) также другъ, художникъ.

— Какъ она картины любитъ, Андрей! — вдругъ радостно сказалъ онъ мнѣ. — Въ прошломъ году я водилъ ее по выставкѣ. И твои этюды видѣли. Помните?

— Помню, — отвѣтила она.

— Надежда Николаевна! — еще разъ сказалъ Безсоновъ.

— Оставьте меня... Поѣзжайте куда вамъ угодно. Я остаюсь съ Сеней и вотъ съ... т-г Лопатинымъ. Я хочу душу отвести... отъ васъ! — вдругъ вскрикнула она, видя, что Безсоновъ хочетъ сказать еще что-то. — Вы опротивѣли мнѣ. Оставьте, уѣзжайте...

Онъ рѣзко отвернулся и вышелъ, не простясь ни съ кѣмъ.

— Такъ лучше... безъ него... — сказала Надежда Николаевна и тяжело вздохнула.

— Отчего вы вздыхаете, Надежда Николаевна? — спросилъ Сеничка.

— Отчего? Оттого, что то, что позволено всѣмъ этимъ калѣкамъ (она движеніемъ головы показала на тѣснившуюся вокругъ насъ толпу), то не долженъ позволять себѣ онъ... Ну, да все равно, тоска, надоѣло все это. Нѣтъ не

надоѣло, хуже. Слова не подберешь. Сеничка, давайте пить!

Семень жалобно взглянулъ на меня.

— Вотъ видите ли, Надежда Николаевна, и радъ бы, да нельзя; вотъ онъ...

— Что жъ онъ? И онъ съ нами выпьетъ.

— Онъ не станетъ.

— Ну, такъ вы.

— Онъ не позволить.

— Это скверно... Кто же вамъ можетъ не позволить?

— Я далъ слово, что буду его слушаться.

Надежда Николаевна внимательно посмотрѣла на меня.

— Вотъ какъ! — сказала она. — Ну, вольному воля, спасенному рай. Если не хотите, не нужно. Я буду одна...

— Надежда Николаевна, — началъ я — простите, что при первомъ знакомствѣ...

Я почувствовалъ, что румянецъ заливаешь мнѣ щеки. Она, улыбаясь, смотрѣла на меня.

— Ну, что вамъ?

— При первомъ же знакомствѣ я просить бы васъ... не дѣлать этого, не держать себя такъ... Я хотѣлъ просить васъ еще объ одномъ одолженіи.

Лицо ея передернулось грустью.

— Не держать себя такъ? — сказала она. — Боюсь, что я уже не могу держать себя иначе — отвыкла. Ну, хорошо; чтобы сдѣлать вамъ пріятное, попробую. А одолженіе?

Я, заикаясь, путаясь въ словахъ и конфузясь, рассказалъ ей, въ чемъ дѣло. Она внимательно слушала, уставивъ свои сѣрые глаза прямо на меня. Напряженное ли вниманіе, съ какимъ она вникала въ мои слова, или что-то другое придавало ея взору суровое и немного жестокое выраженіе.

— Хорошо, — сказала она наконецъ. — Я понимаю, что вамъ нужно! Я и лицо себѣ такое сострою.

— Можно безъ этого обойтись, Надежда Николаевна, лишь бы ваше лицо...

— Хорошо, хорошо. Когда же мнѣ быть у васъ?

— Завтра, въ одиннадцать часовъ, если можно.

— Такъ рано? Ну, такъ значитъ, надо ѣхать спать ложиться. Сеничка, вы проводите меня?

— Надежда Николаевна, — сказалъ я — мы не условились еще объ одной вещи, это вѣдь даромъ не дѣлается.

— Что жъ, вы мнѣ платите будете, что ли? — сказала она, и я почувствовалъ, что въ ея голосѣ звенитъ что-то гордое и оскорбленное.

— Да, платить; иначе я не хочу рѣшительно сказать я.

Она окинула меня высокомернымъ, даже дерзкимъ взглядомъ, но почти тотчасъ же лицо ея приняло задумчивое выраженіе. Мы молчали. Мнѣ было неловко. Слабая краска показалась на ея щекахъ, и глаза вспыхнули.

— Хорошо, — сказала она — платите. Сколько другимъ натурщицамъ, столько и мнѣ. Сколько я получу за всю Шарлотту, Сеничка?

— Рублей шестьдесятъ, я думаю — отвѣтилъ онъ.

— А сколько времени вы будете ее писать?

— Мѣсяцъ.

— Хорошо, очень хорошо! — оживленно сказала она. — Я попробую брать съ васъ деньги. Спасибо вамъ!

Она протянула мнѣ свою тонкую руку и крѣпко пожала мою.

— Онъ у васъ ночуетъ? — спросила она, оборачиваясь ко мнѣ.

— У меня, у меня.

— Я сейчасъ отпущу его. Только пусть довезетъ.

Черезъ полчаса я былъ дома, а черезъ пять минутъ послѣ меня вернулся Гельфрейхъ. Мы раздѣлись, легли и потушили свѣчи. Я начиналъ уже засыпать.

— Ты спишь, Лопатинъ? — вдругъ раздался въ темнотѣ Сеничкинъ голосъ.

— Нѣтъ, а что?

— Вотъ что: я сейчасъ же далъ бы отрубить себѣ лѣвую руку, чтобы этой женщинѣ было хорошо и чисто — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Отчего же не правую? — спросилъ я, засыпая.

— Глупый! А писать-то, чѣмъ я буду? — серьезно спросилъ Сеничка.

VI.

Когда я проснулся на другой день, въ окно уже глядѣло сѣрое утро.

Посмотрѣвъ на слабо освѣщенное, блѣдное, миловидное лицо Гельфрейха, спавшаго на диванѣ, вспомнивъ вчерашній вечеръ и то, что у меня будетъ натурщица для картины, я повернулся на другой бокъ и снова заснулъ чуткимъ утреннимъ сномъ.

— Лопатинъ! — раздался голосъ. Я слышалъ его во снѣ. Онъ совпалъ съ моимъ сновидѣніемъ, и я не просыпался, но кто-то трогалъ меня за плечо.

— Лопатинъ, проснитесь, — говорилъ голосъ.

Я вскочилъ на ноги и увидѣлъ Безсонова.

— Это вы, Сергѣй Васильевичъ?

— Я... Не ждали такъ рано? — тихо сказалъ онъ. — Говорите тише: я не хотѣлъ бы разбудить горбуна.

— Что вамъ нужно?

— Одѣньтесь, умойтесь; я скажу. Пойдемте въ другую комнату. Пусть онъ спитъ.

Я забралъ подмышку платье и сапоги и вышелъ одѣваться въ мастерскую. Безсоновъ былъ очень блѣденъ.

— Вы, кажется, не спали эту ночь? — спросилъ я.

— Нѣтъ, спалъ. Всталъ очень рано и работалъ. Скажите, чтобы вамъ дали чаю, и поговоримъ. Кстати, покажите вашу картину.

— Не стоитъ теперь, Сергѣй Васильевичъ. Вотъ погодите, скоро кончу ее въ исправленномъ и настоящемъ видѣ. Можетъ быть, вамъ непріятно, что я поступилъ противъ вашего желанія, но вы не повѣрите, какъ я радъ, что кончу, что это такъ случилось. Лучше Надежды Николаевны я и ожидать для себя ничего не могъ.

— Я не допущу того, чтобы вы писали съ нея, — глухо сказалъ онъ.

— Сергѣй Васильевичъ, вы кажется, пришли ссориться со мной?

— Я не допущу ее бывать у васъ каждый день, проводить съ вами цѣлые часы... Я не позволю ей.

— Есть ли у васъ такая власть? Какъ вы можете не позволить ей? Какъ вы можете не позволить мнѣ? — спрашивалъ я, чувствуя, что начинаю раздражаться.

— Власть!... власть... Нѣсколько словъ будетъ довольно. Я напомнимъ ей, что такое она. Я скажу ей, что такое вы. Я скажу ей о вашей сестрѣ, Софьѣ Михайловнѣ...

— Я не позволю вамъ заикаться о моей сестрѣ. Если есть у васъ право на эту женщину — пусть правда то, что вы мнѣ говорили о ней, пусть она пала, пусть десятки людей имѣютъ на нее такія же права, какъ вы — у васъ есть право на нее, но у васъ нѣтъ правъ на мою сестру. Я запрещаю вамъ говорить ей что нибудь о сестрѣ! Слышите?

Я чувствовалъ, что голосъ мой зазвенѣлъ угрозой. Онъ начиналъ выводить меня изъ себя.

— Такъ вотъ какъ! Вы показываете когти. Я не зналъ, что они у васъ есть. Хорошо, вы правы: на Софью Михайловну я не имѣю никакихъ правъ. Я не осмѣлюсь помянуть имя ея всуе. Но эта... эта...

Онъ въ волненіи нѣсколько разъ прошелся изъ угла въ уголъ комнаты. Я видѣлъ, что онъ взволнованъ серьезно. Я не понималъ что съ нимъ дѣлается. Въ прошлый нашъ разговоръ, онъ и словами и тономъ своимъ выразилъ такое нескрываемое презрѣніе къ этой женщинѣ, а теперь... Неужели?..

— Сергѣй Васильевичъ,—сказаль я—вы любите ее!

Онъ остановился, взглянулъ на меня страннымъ взглядомъ и отрывисто промолвилъ:

— Нѣтъ.

— Что же васъ точить? Изъ-за чего вы подняли всю эту бурю! Не могу же я повѣрить, что вы печетесь о спасеніи моей души изъ когтей этого воображаемаго дьявола?

— Это мое дѣло,—сказаль онъ.—Но помните, что какимъ бы ни было путемъ, а я помѣшаю вамъ... Я не позволю! Слышите!—задорно крикнулъ онъ.

Я почувствовалъ, что кровь бросилась мнѣ въ голову. Въ томъ углу, гдѣ я стоялъ въ это время спиною къ стѣнѣ, былъ наваленъ разный хламъ, холсты, кисти, сломанный мольбертъ. Тутъ же стояла палка съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, къ которой во время лѣтнихъ работъ привинчивается большой зонтъ. Случайно я взялъ въ руки это копье, и когда Безсоновъ сказаль мнѣ свое: „не позволю“, я со всего размаха вонзилъ остріе въ полъ. Четырехгранное желѣзо вошло въ доски на вершокъ.

Я не сказаль ни слова, но Безсоновъ взглянулъ на меня изумленными и даже, какъ мнѣ показалось, испуганными глазами.

— Прощайте, — сказаль онъ. — Я уйду. Вы черезчуръ раздражены.

Я уже успѣлъ успокоиться.

— Постойте,—сказаль я.—Останьтесь.

— Нѣтъ, мнѣ нужно. До свиданья!

Онъ ушелъ. Я съ усиліемъ вытащилъ копье изъ пола, и помню, что коснулся пальцемъ слегка нагрѣвшагося блестящаго желѣза. Мнѣ въ первый разъ пришло въ голову, что это—страшное оружіе, которымъ легко положить человѣка на мѣстѣ.

Гельфрейхъ ушелъ въ академію, а я не безъ волненія ожидалъ свою натурщицу. Я поставилъ совсѣмъ новый холстъ и приготовилъ все нужное.

Я не могу сказать, чтобы я думаль тогда только о своей картинѣ. Я вспоминалъ вчерашній вечеръ съ его странной, еще невиданной мною обстановкой, неожиданную и счастливую для меня встрѣчу, эту странную женщину, падшую женщину, которая сразу привлекла всѣ мои симпатіи, странное поведеніе Безсонова... Что ему нужно отъ меня? Не любить ли онъ ее въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ тогда это презрительное отношеніе къ ней? Развѣ не могъ бы онъ спасти ее?

Я думаль обо всемъ этомъ, а рука съ углемъ ходила по холсту; я дѣлаль наброски позы, въ которой хотѣлъ

представить Надежду Николаевну, и стирать, ихъ одинъ за другимъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ зазвенѣлъ колокольчикъ. Черезъ минуту она въ первый разъ показалась на порогѣ моей комнаты. О, какъ я помню ея блѣдное лицо, когда она, волнуясь и стыдясь (да, стыдъ смѣнить ея вчерашнее выраженіе) молча стояла въ дверяхъ! Она точно не смѣла войти въ эту комнату, гдѣ нашла потомъ свое счастье, единственную свою сѣтлую полосу жизни и... гибель — не ту гибель, о которой говорилъ Безсоновъ... Я не могу писать объ этомъ. Я подожду и успокоюсь.

VII.

Соня не знаетъ, что я пишу эти горькія страницы. По прежнему, каждый день она сидитъ у моей постели или кресла. Часто заходитъ ко мнѣ и мой другой другъ, мой блѣдный горбатый. Онъ очень похудѣлъ и осунулся и большею частью молчитъ. Соня говоритъ, что онъ упорно работаетъ... Дай Богъ ему счастья и успѣха!

Она пришла, какъ общалась, ровно въ одиннадцать часовъ. Она вошла робко, застѣнчиво отвѣтивъ на мое привѣтствіе, и молча сѣла на кресло, стоявшее въ углу мастерской.

— Вы очень точны, Надежда Николаевна, — сказалъ я, накладывая краски на палитру.

Она взглянула на меня и ничего не отвѣтила.

— Я не знаю, какъ благодарить васъ за ваше согласіе... — продолжалъ я, чувствуя, что краснѣю отъ смущенія.

хотѣлъ сказать ей что-то совсѣмъ другое. — Я такъ долго не могъ найти натурщицы, что совсѣмъ было бросилъ картину.

— Развѣ у васъ при академіи ихъ нѣтъ? — спросила она.

— Есть, но онѣ мнѣ не годились. Посмотрите вотъ это лицо.

Я досталъ изъ лежавшей на столѣ кучи всякаго хлама карточку Анны Ивановны и подаль ей. Она взглянула и слабо улыбнулась.

— Да это вамъ не годится, — сказала она. — Это не Шарлотта Кордэ.

— Вы знаете исторію Шарлотты Кордэ? — спросилъ я.

Она взглянула на меня съ страннымъ выраженіемъ удивленія, смѣшаннаго съ какимъ-то горькимъ чувствомъ.

— Почему же мнѣ не знать? — спросила она. — Я кое-чему училась. Я забыла теперь многое, ведя эту жизнь, и все-таки кое-что помню. А такихъ вещей забыть нельзя...

— Гдѣ вы учились, Надежда Николаевна?

— Зачѣмъ вамъ знать это? Если можно, будемъ начинать.

Тонъ ея вдругъ измѣнился: она проговорила эти слова отрывисто и мрачно, какъ говорила вчера Безсонову.

Я замолчалъ. Доставъ изъ шкафа давно уже сшитое мною синее платье, чепчикъ и всѣ принадлежности костюма Шарлотты, я попросилъ ее выйти въ другую комнату и переодѣться. Я едва успѣлъ приготовить все, что мнѣ нужно для работы, какъ она уже вернулась.

Передо мною стояла моя картина.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! — заговорилъ я съ востергомъ. — Какъ это хорошо, какъ это хорошо! Скажите, Надежда Николаевна, не видѣлись ли мы прежде? Иначе это невозможно объяснить. Я представлялъ себѣ свою картину именно такою, какъ вы теперь. Я думаю, что я васъ видѣлъ гдѣ нибудь. Ваше лицо, можетъ быть, безсознательно запечатлѣлось въ моей памяти... Скажите, гдѣ я видѣлъ васъ?

— Гдѣ вы могли видѣть меня? — переспросила она. — Не знаю. Я не встрѣчалась съ вами до вчерашняго дня. Начинайте, пожалуйста. Поставьте меня, какъ нужно, пишите.

Я попросилъ ее стать на мѣсто, поправилъ складки платья, слегка коснулся ея руки, придавъ имъ то безпомощное положеніе, какое всегда представлялъ себѣ, и отошелъ къ мольберту.

Она стояла передо мною... Она стоитъ передо мною и, теперь, вотъ тутъ на этомъ холстѣ... Она, какъ живая, смотритъ на меня. У нея то же печальное и задумчивое выраженіе, та же черта смерти на блѣдномъ лицѣ, какія были въ то утро.

Я стеръ все, начерченное углемъ на холстѣ, и быстро набросалъ Надежду Николаевну. Потомъ я сталъ писать. Никогда, ни прежде, ни послѣ мнѣ не удавалось работать такъ быстро и успѣшно. Время летѣло незамѣтно, и только черезъ часъ я, взглянувъ на лицо своей модели, увидѣлъ, что она сейчасъ упадетъ отъ усталости.

— Простите, простите меня... — сказалъ я, сводя ее съ возвышенія, на которомъ она стояла, и усаживая въ кресло. — Я совсѣмъ измучилъ васъ.

— Ничего, — отвѣтила она, блѣдная, но улыбающаяся. — Ужъ если зарабатывать себѣ хлѣбъ, то нужно пострадать немножко. Я рада, что вы такъ увлеклись. Можно посмотреть? — сказала она, кивнувъ головой на картину, лица которой она не видѣла.

— Конечно, конечно!

— Ахъ, какая мазня! — вскрикнула она. — Я никогда еще не видѣла начала работы художника. И какъ это инте-

ресно!... И знаете, уже въ этой мазнѣ я вижу то, что должно быть... Вы задумали хорошую картину, Андрей Николаевичъ... Я постараюсь сдѣлать все, чтобы она вышла... насколько отъ меня это зависитъ.

— Что же можете вы сдѣлать?

— Я говорила вчера... Я сдѣлаю вамъ выраженіе. Вамъ будетъ легче работать...

Она быстро стала на свое мѣсто, подняла голову, уронила бѣлыя руки, и на ея лицѣ отразилось все, о чемъ мечталъ я для своей картины. Тутъ были рѣшимость и тоска, гордость и страхъ, любовь и ненависть...

— Такъ? — спросила она. — Если такъ, то я буду стоять, сколько угодно.

— Лучше мнѣ ничего не нужно, Надежда Николаевна; но вѣдь вамъ будетъ трудно сохранять подолгу такое выраженіе. Благодарю васъ. Посмотримъ. До этого еще далеко... Позвольте просить васъ позавтракать со мною.

Она долго отказывалась, но потомъ согласилась.

Моя поилица и кормилица, Агафья Алексѣевна, принесла завтракъ; мы въ первый разъ сѣли за столъ вмѣстѣ. Сколько разъ это случалось потомъ!.. Надежда Николаевна ѣла мало и молча; она видимо стѣснялась. Я налилъ въ ея стаканъ вина, которое она выпила почти сразу. Румянецъ заигралъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Скажите, — вдругъ спросила она — вы давно знаете Безсонова?

Я не ожидалъ этого вопроса. Вспомнивъ все, что произошло между мною и Безсоновымъ изъ-за нея, я смутился.

— Отъ чего вы краснѣете? Впрочемъ, все равно; только отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ.

— Давно. Съ дѣтства.

— Онъ хорошій человѣкъ?

— Да, по моему, онъ хорошій человѣкъ. Онъ честенъ, много работаетъ. Онъ очень талантливый человѣкъ. Онъ хорошо относится къ матери.

— У него есть мать? Гдѣ она?

— Въ ***. Тамъ у нея есть маленькій домикъ. Онъ высыластъ ей деньги и самъ иногда туда ѣздитъ. Я никогда не видалъ матери, болѣе влюбленной въ сына.

— Зачѣмъ же онъ не возьметъ ее сюда?

— Кажется... она сама не хочетъ... Впрочемъ, не знаю... Домъ у нея тамъ, она привыкла.

— Это неправда, — задумчиво сказала Надежда Николаевна. — Онъ не беретъ матери сюда потому, что думаетъ, что она помѣшаетъ ему. Я не знаю, я только думаю такъ...

Она стѣснить его. Это провинціалка, вдова какого нибудь мелкаго чиновника. Она будетъ *шокировать* его.

Она произнесла слово „шокировать“ ѣдко и съ разстановкой.

— Я не люблю этого человѣка, Андрей Николаевичъ, — сказала она.

— За что? Онъ все-таки хорошій человѣкъ.

— Я не люблю его... и боюсь его... Ну, будетъ; пойдемъ работать.

Она стала на мѣсто. Короткій осенній день приходилъ къ концу.

Я работалъ до сумерокъ, давая иногда вздохнуть Надеждѣ Николаевнѣ, и только когда краски начали смѣшиваться въ своихъ цвѣтахъ и стоявшая передо мною на возвышеніи модель уже подернулась сумракомъ, я положилъ кисти... Надежда Николаевна переодѣлась и ушла.

VIII.

Въ тотъ же день вечеромъ я перевезъ Семена Ивановича къ себѣ. Онъ жилъ на Садовой, въ огромномъ, снизу доверху набитомъ жильцами домѣ, занимавшемъ почти цѣлый кварталъ между тремя улицами. Наиболѣе аристократическая часть дома, выходившая на Садовую, была занята меблированными комнатами отставнаго капитана Грумъ-Скжебицкаго, отдававшего свои довольно грязныя и довольно большія комнаты начинающимъ художникамъ, не бѣднымъ студентамъ и музыкантамъ. Таковъ былъ преимущественный составъ жильцовъ суроваго капитана, строго наблюдавшаго за благочиніемъ своего, какъ онъ выражался „отеля“.

Я поднялся по витой чугунной лѣстницѣ и вошелъ въ коридоръ. Изъ-за первой двери слышались бѣглые пассажи скрипки, немного дальше завывала віолончель, а гдѣ-то въ концѣ коридора гремѣлъ рояль. Я постучалъ въ дверь Гельфрейха.

— Войдите! — закричалъ онъ тоненькимъ голосомъ.

Онъ сидѣлъ на полу и въ огромный ящикъ укладывалъ свои пожитки. Чемоданъ, уже завязанный, лежалъ возлѣ. Въ ящикъ Семень Ивановичъ клалъ вещи, не придерживаясь какой нибудь системы: на дно была положена подушка, на нее развинченная и завернутая въ бумагу лампа, затѣмъ кожаный тюфячекъ, сапоги, куча этюдовъ, ящикъ съ красками, книги и всякая мелочь. Рядомъ съ ящикомъ сидѣлъ большой рыжій котъ и смотрѣлъ въ

глаза хозяину. Этотъ котъ, по словамъ Гельфрейха состоялъ у него на постоянной службѣ.

— Я уже готовъ, Андрей, — сказать Гельфрейхъ. — Я очень радъ, что ты меня къ себѣ берешь. Ну, скажи, былъ сегодня сеансъ? Пришла она?

— Пришла, пришла, Сеня... — отвѣтилъ я, торжествуя въ душѣ. — Помнишь, ночью ты сказалъ одну фразу... что ты отдалъ бы свою лѣвую руку.

— Ну? — спросилъ онъ, сѣвъ на ящикъ и улыбаясь.

— Я немного понимаю тебя, Сеня...

— Вотъ видишь! Ахъ, Андрей, Андрей, вытащи ее! Я не могу. Я глупый, горбатый чортъ. Ты самъ очень хорошо знаешь, что я не протащу черезъ всю жизнь, долгую жизнь, и тяжести одного себя безъ посторонней помощи, безъ твоей, напримѣръ, а ужъ другого кого нибудь поддерживать... куда мнѣ? Мнѣ самому нужно, чтобы меня спасали отъ пьянства, брали къ себѣ, заставляли работать, держали у себя мои деньги, писали корзинки, диваны и всякую обстановку для моихъ котовъ. Ахъ, Андрей, Андрей: что бы я безъ тебя дѣлалъ?

И во внезапномъ порывѣ нѣжности, Сеничка вдругъ соскочилъ со своего ящика, подбѣжалъ ко мнѣ, обхватилъ меня руками и прижалъ голову къ моей груди. Его мягкіе шелковые волосы касались моихъ губъ. Затѣмъ, такъ же быстро онъ оставилъ меня, подбѣжалъ въ уголъ комнаты (я имѣю сильное подозрѣніе, что дорогій онъ стеръ слезинку) и усѣлся въ кресло, стоявшее въ углу, въ тѣни.

— Ну, видишь, куда же мнѣ! Но ты... ты — другое дѣло. Вытащи ее, Андрей!

Я молчалъ.

— Былъ еще одинъ человѣкъ, который бы могъ, — продолжалъ Семенъ Ивановичъ — но онъ не захотѣлъ.

— Безсоновъ? — спросилъ я.

— Да, Безсоновъ.

— Онъ давно съ нею знакомъ, Сеничка?

— Давно; раньше меня. У этого человѣка въ головѣ все ящики и отдѣленьица; выдвинетъ одинъ, достанетъ билетикъ, прочтетъ что тамъ написано, да такъ и дѣйствуетъ. Представился ему вотъ этотъ случай. Видитъ, падшая дѣвушка. Ну, онъ сейчасъ къ себѣ въ голову (а тамъ у него все по алфавиту); досталъ, прочелъ: *онъ не возвращается никогда*.

Семенъ Ивановичъ не сталъ говорить дальше. Онъ облокотился подбородкомъ на руку и задумчиво смотрѣлъ прямо въ лицо.

— Ты Расскажи мнѣ, какъ они познакомились. Что за странныя отношенія между ними?

— Послѣ, Андрей; теперь не стану. Да можетъ быть, она и сама тебѣ расскажетъ. Напрасно я сказалъ: „можетъ быть“; навѣрное расскажетъ. Ты у меня вѣдь вотъ какой... — улыбнувшись, сказалъ Семень. — Поѣдемъ, нужно расплатиться съ капитаномъ.

— Деньги у тебя есть?

— Есть, есть. Выручаютъ коты.

Онъ вышелъ въ коридоръ, крикнулъ что-то прислугѣ, и черезъ минуту явился самъ капитанъ. Это былъ крѣпкій, коренастый старикъ, очень свѣжій, съ гладко выбритымъ лицомъ. Войдя въ комнату, онъ щегольски расшаркался и подалъ Гельфрейху руку, мнѣ же сдѣлалъ только безмолвный поклонъ.

— Что пану требуется? — спросилъ онъ вѣжливо.

— Я уѣзжаю отъ васъ, капитанъ.

— То есть воля пана, — отвѣтилъ онъ, пожимая плечами. — Я былъ очень доволенъ вами, милостивый государь. Я радъ, когда въ моемъ отелѣ проживаютъ прекрасные образованные люди... Панъ другъ также художникъ? — спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ вторичнымъ и весьма изящнымъ поклономъ. — Рекомендую себя: капитанъ Грумъ-Скжебицкій, старый солдатъ.

Я протянулъ ему руку и назвалъ свое имя.

— Панъ Лопатинъ! — воскликнулъ капитанъ, выражая на своемъ лицѣ почтительное удивленіе. — То есть извѣстное имя. Отъ всѣхъ учениковъ академіи слышалъ. Очень счастливъ знакомствомъ. Желаю вамъ имѣть славу Семирадскаго и Матейки... Куда же вы переѣзжаете? — спросилъ капитанъ Гельфрейха.

— А вотъ къ нему... — смущенно улыбаясь, отвѣтилъ Гельфрейхъ.

— Хотя вы и отнимаете у меня превосходнаго квартиранта, но я не огорченъ. Дружба — это такое право... — сказалъ капитанъ, опять кланяясь. — Сейчасъ я принесу свою книгу...

Онъ вышелъ, бодро поднявъ голову. Въ его походкѣ было что-то воинственное.

— Гдѣ онъ служилъ? — спросилъ я Сеню.

— Не знаю; только онъ не русскій капитанъ. Я узналъ въ паспортѣ: онъ просто дворянинъ Ксаверій Грумъ-Скжебицкій. По секрету онъ всѣмъ говоритъ, что былъ въ повстаніи. На стѣнѣ у него и теперь виситъ „дупельтовка“.

Капитанъ принесъ свою книгу и счеты. Справившись съ книгой и пощелкавъ минуты двѣ на счетахъ, онъ объявилъ сумму, которую долженъ былъ ему Гельфрейхъ за квартиру до конца мѣсяца и за обѣды; Семень Ивановичъ

расплатился, и мы весьма дружелюбно разстались. Когда вынесли вещи, Семенъ Ивановичъ взялъ подмышку рыжаго кота, давно уже безпокойно тершагося у его ногъ, поднявъ хвостъ палочкой вверхъ и изрѣдка коротко мяукая (вѣроятно, опустошенный видъ комнаты привелъ его въ тревожное настроеніе) и мы уѣхали.

IX.

Прошло еще три или четыре сеанса. Надежда Николаевна приходила ко мнѣ въ десять или одиннадцать часовъ и оставалась до сумерокъ. Не разъ я просилъ ее остаться пообѣдать съ нами, но она всегда, какъ только кончался сеансъ, поспѣшно уходила въ другую комнату, переодѣвалась изъ синяго платья въ свое, черное и тотчасъ же прощалась.

Ея лицо за эти нѣсколько дней сильно измѣнилось. Какое-то мрачное и тоскливое выраженіе замѣчалось около ея губъ и въ впадинахъ ея сѣрыхъ глазъ. Она рѣдко говорила со мною и немного оживлялась только тогда, когда въ мастерской сидѣлъ за своимъ мольбертомъ Гельфрейхъ, продолжавшій, несмотря на мои уговариванія приняться за что нибудь серьезное, писать одну кошку за другою. Кромѣ рыжаго натурщика, въ нашей квартирѣ откуда-то появилось штукъ пять или шесть разнообразнаго возраста, пола и цвѣта кошекъ, которыхъ Агафья Алексѣевна безпрекословно кормила, хотя и вела съ ними непрерывную войну, выражавшуюся преимущественно въ томъ, что она, забирая ихъ по нѣскольку подмышку, выкидывала на черную лѣстницу. Но коты жалобно покрикивали у дверей, и мягкое сердце нашей домоправительницы не выдерживало: дверь отворялась, и натурщики снова овладѣвали квартирой.

Какъ живо вспоминаются мнѣ эти долгіе, тихіе сеансы! Картина подходила къ концу, и тяжелое, неопредѣленное чувство закрадывалось постепенно въ мою грудь. Я чувствовалъ, что когда Надежда Николаевна перестанетъ быть нужна мнѣ, какъ натурщица, мы разстанемся. Я вспомнилъ нашъ разговоръ съ Гельфрейхомъ въ день его переѣзда: часто, когда я вглядывался въ ея блѣдное, мрачное лицо, въ ушахъ моихъ звенѣли слова: „Ахъ, Андрей, Андрей, вытащи ее!“

Вытащить ее! Я не зналъ о ней почти ничего. Я не зналъ даже, гдѣ она живетъ. Она переѣхала со старой квартиры, куда провожалъ ее Гельфрейхъ послѣ вечера нашей встрѣчи, на другую квартиру, и Сеня не могъ добиться отъ нея — куда. Ни онъ, ни я не знали ея фамилии.

Я помню, какъ однажды я спросилъ ее объ этомъ на сеансѣ, когда Гельфрейха не было. Въ то утро онъ ушелъ въ академію (я заставилъ его хоть изрѣдка ходить въ этюдный классъ), и мы цѣлый день проводили одни. Надежда Николаевна была немного веселѣе обыкновеннаго; немного разговорчивѣе. Ободренный этимъ, я осмѣлился сказать:

— Надежда Николаевна, я до сихъ поръ не знаю, какъ ваша фамилія.

Она какъ будто не замѣтила моего вопроса. Неуловимая тѣнь пробѣжала по ея лицу, и на мгновеніе сомкнувъ губы, какъ будто что-то поразило ее, она продолжала говорить. Она говорила тогда о Гельфрейхѣ, и я видѣлъ, что она подыскиваетъ сказать что нибудь, чтобы заговорить меня и замаять мой вопросъ. Наконецъ она замолчала.

— Надежда Николаевна, — сказалъ я — скажите, за что вы не довѣряете мнѣ? Показалъ ли я хоть чѣмъ нибудь...

— Оставьте это, — печально отвѣтила она. — Я не довѣряю вамъ? Полноте... Зачѣмъ мнѣ вамъ не довѣрять? Чтѣ можете вы сдѣлать мнѣ дурного?

— Отчего же вы...

— Оттого, что не нужно... Пишите, пишите, скоро темно будетъ... — сказала она, стараясь говорить веселѣе. — И Семень Ивановичъ скоро придетъ; чтѣ вы ему покажете? Вы сегодня почти ничего не сдѣлали. У насъ и такъ все время проходить въ разговорахъ.

— Успѣемъ... я усталъ... Если угодно, сойдите съ мѣста. Отдохните немного.

Она сошла съ мѣста и сѣла на стулъ, стоявшій въ углу. Я сѣлъ на другомъ концѣ комнаты. Мнѣ страстно хотѣлось разговориться съ нею, разспросить ее, но я чувствовалъ, что съ каждымъ сеансомъ это становится труднѣе и труднѣе. Я смотрѣлъ, какъ она сидѣла, сгорбившись, охвативъ колѣни сжатыми руками и опустивъ неподвижные глаза въ какую-то точку пола. Одинъ изъ Сеничкиныхъ котовъ терся около ея платья и дружелюбно засматривалъ ей въ лицо, напѣвая свою добродушную и тихую пѣсенку. Она, казалось, оцѣпенѣла въ этой позѣ... Чтѣ дѣлалось въ этой гордой и несчастной душѣ?

Гордой! Да, не пустое слово сорвалось у меня съ пера. И тогда я уже думалъ, что ея гибель произошла оттого, что она не гнула. Быть можетъ, сдѣлавъ какую нибудь уступку, она жила бы, какъ всѣ, была бы интересной барышней „съ загадочными глазами“, потомъ вышла бы замужъ, потомъ погрузилась бы въ море безцѣльнаго суще-

ствования бокъ-о-бокъ съ супругомъ, занятымъ необычайно важными дѣлами на какой нибудь службѣ. Она наряжалась бы, устраивала у себя журъ-фиксы, воспитывала бы дѣтей („сынъ въ гимназiи, дочь въ институтѣ, занималась бы слегка благотворительностью и, пройдя назначенный ей Господомъ путь, дала бы своему супругу случай уведомить на другой день въ *Новомъ Времени* о своемъ „душевномъ прискорбiи“. Но она выбита изъ сѣдла. Что же заставило ее сойти съ проторенной колесъ жизни „порядочной женщины?“ Я не зналъ этого и мучительно старался прочесть что нибудь на ея лицѣ. Но оно оставалось неподвижно, все такъ же глаза ея были устремлены на одну точку.

— Я отдохнула, Андрей Николаевичъ, — вдругъ сказала она, поднявъ голову.

Я всталъ, посмотрѣлъ на нее, потомъ на холстъ и отвѣтилъ:

— Я сегодня не могу больше работать, Надежда Николаевна.

Она взглянула на меня, хотѣла что-то сказать, но удержалась и молча вышла изъ комнаты, чтобы переодѣться. Помню, что я бросился въ кресло и закрылъ лицо руками. Тоскливое, непонятное мнѣ самому чувство влилось мнѣ въ грудь; смутное ожиданiе чего-то неизвѣстнаго и страшнаго, страстное желанiе сдѣлать что-то, въ чемъ я самъ себѣ не могъ дать отчета, и нѣжность къ этому несчастному существу, вмѣстѣ съ какимъ-то боязливымъ ощущенiемъ, которое она поселяла во мнѣ своимъ присутствiемъ — все слилось въ одно давящее впечатлѣнiе, и я не помню, сколько времени провелъ я, погруженный почти въ полное забытiе.

Когда я очнулся, она стояла передо мной, уже одѣтая въ свое платье.

— До свиданья!

Я всталъ и подаль ей руку.

— Подождите немного... Мнѣ хочется сказать вамъ кое-что.

— Что такое? — спросила она озабоченно.

— Много, много, Надежда Николаевна... Посидите вы хоть одинъ разъ, Бога ради, не какъ натурщица.

— Не какъ натурщица? Чѣмъ я могу быть для васъ еще? Не дай Богъ быть мнѣ для васъ не натурщицей, а тѣмъ, чѣмъ я была... чѣмъ я есть, — быстро поправилась она. — Прощайте. Вы скоро кончите картину, Андрей Николаевичъ? — спросила она у дверей.

— Не знаю... Я думаю, еще недѣли двѣ или три я буду просить васъ бывать у меня.

Она молчала, какъ будто не рѣшаясь сказать мнѣ, что хотѣла.

— Вамъ что нибудь нужно, Надежда Николаевна?

— Не нужно ли еще кому нибудь... изъ вашихъ товарищей... проговорила она, запинаясь.

— Натурщицы?... — перебилъ я. — Я постараюсь устроить это, непременно постараюсь, Надежда Николаевна.

— Благодарю васъ. Прощайте.

Я не успѣлъ протянуть ей руку, какъ позвонили. Она поблѣднѣла и опустила на стулъ. Вошелъ Безсоновъ.

Х.

Онъ вошелъ съ веселымъ и развязнымъ видомъ. Мнѣ показалось сперва, что онъ немного похудѣлъ за эти нѣсколько дней, въ которые мы не видѣлись; но черезъ минуту я подумалъ, что ошибся. Онъ весело поздоровался со мной, поклонился Надеждѣ Николаевнѣ, которая продолжала сидѣть на своемъ стулѣ, и заговорилъ очень оживленно:

— Я зашелъ посмотрѣть. Меня очень интересуетъ ваша работа. Мнѣ хочется узнать, дѣйствительно ли вы можете сдѣлать что нибудь, даже и теперь, когда у васъ есть модель, лучше которой, кажется, вамъ ничего не нужно.

Онъ мелькомъ взглянулъ на Надежду Николаевну. Она сидѣла попрежнему. Я ожидалъ, что она уйдетъ, и мнѣ хотѣлось этого, но она оставалась, какъ прикованная къ своему стулу, молча, и не спускала глазъ съ Безсонова.

— Это правда, — отвѣтилъ я. — Лучше мнѣ ничего не нужно. Я очень благодаренъ Надеждѣ Николаевнѣ за ея согласіе.

Говоря это, я откатилъ мольбертъ отъ стѣны и поставилъ его, какъ слѣдуетъ.

— Можете смотрѣть, — сказалъ я.

Онъ впился въ картину глазами. Я видѣлъ, что она поразила его, и мое авторское самолюбіе было пріятно задѣто.

Надежда Николаевна вдругъ встала.

— До свиданья, — сказала она глухо.

Безсоновъ порывисто обернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ ней.

— Куда же вы, Надежда Николаевна? Я такъ давно васъ не видѣлъ, и когда встрѣтился съ вами здѣсь почти случайно, вы какъ будто бѣжите отъ меня. Подождите хоть немного, хоть пять минутъ: мы выйдемъ вмѣстѣ, и

я провожу васъ. Я никакъ не могъ васъ найти. На вашей прежней квартирѣ мнѣ сказали, что вы уѣхали изъ города: я зналъ, что это неправда. Я справлялся въ адресномъ столѣ, но тамъ еще не было вашего адреса. Я хотѣлъ справиться еще разъ завтра, надѣясь, что вашъ адресъ тамъ уже долженъ быть; но теперь конечно это не нужно: вы сами скажете, гдѣ вы живете; я провожу васъ.

Онъ говорилъ быстро и съ новымъ, неизвѣстнымъ еще для меня въ его устахъ, оттѣнкомъ нѣжности. Какъ непохожъ былъ его настоящій тонъ на тотъ, которымъ онъ говорилъ съ Надеждой Николаевной въ тотъ вечеръ, когда мы съ Гельфрейхомъ столкнулись съ ними обоими.

— Не нужно, Сергѣй Васильевичъ, благодарю васъ, — отвѣтила Надежда Николаевна — я дойду и одна. Провожатыхъ мнѣ не нужно, а... съ вами — тихо договорила она — мнѣ говорить не о чемъ.

Онъ сдѣлалъ движеніе рукой, хотѣлъ сказать что-то, но только одинъ какой-то странный звукъ вылетѣлъ изъ его груди. Я видѣлъ, что онъ сдерживаетъ себя... Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и потомъ, обернувшись къ ней, тихо сказалъ:

— Ступайте... Если я вамъ не нуженъ, тѣмъ лучше для насъ обоихъ... можетъ быть, для всѣхъ троихъ...

Она ушла, слабо пожавъ мою руку: мы остались одни. Скоро пришелъ Гельфрейхъ; я предложилъ Безсанову остаться съ нами обѣдать. Онъ отвѣчалъ не сразу, занятый какою-то мыслью, но потомъ вдругъ опомнился и сказалъ:

— Обѣдать? Пожалуй... Я давно у васъ не былъ. Я хотѣлъ бы сегодня разговориться.

И онъ дѣйствительно разговаривалъ. Въ началѣ обѣда онъ большою частью молчалъ, или давалъ отрывистыя реплики Сеничкѣ, безъ умолку говорившему о своихъ ко-тахъ, которыхъ онъ непременно бросить, и о томъ, что нужно же наконецъ приняться за настоящую работу; но потомъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ двухъ стакановъ вина, оживленіе Гельфрейха сообщилося и ему, и я долженъ сказать, что никогда не видѣлъ его такимъ живымъ и краснорѣчивымъ, какъ за этимъ обѣдомъ и въ тотъ вечеръ. Подъ конецъ онъ вполне овладѣлъ разговоромъ и читалъ намъ цѣлыя лекціи о внутренней и внѣшней политикѣ; два года писанья передовыхъ статей по всевозможнымъ вопросамъ сдѣлали его способнымъ говорить весьма свободно обо всѣхъ этихъ вещахъ, о которыхъ мы съ Гельфрейхомъ, занятые своими этюдами, знали очень мало.

— Семень Ивановичъ, — сказалъ я, когда ушелъ Безсоновъ — вѣдь Безсонову извѣстна фамилія Надежды Николаевны?

— Почему ты знаешь? — спросилъ Гельфрейхъ.

Я разсказалъ ему сцену, происходящую до его прихода.

— Что же ты не спросилъ его? Впрочемъ, я понимаю; я узнаю самъ.

Почему я въ самомъ дѣлѣ не спросилъ Безсонова? Я и теперь не могу отвѣтить на этотъ вопросъ. Тогда я еще ничего не понималъ въ отношеніяхъ его къ Надеждѣ Николаевнѣ. Но смутное предчувствіе чего-то необыкновеннаго и таинственнаго, что должно было случиться между этими людьми, уже и тогда наполняло меня. Я хотѣлъ остановить Безсонова въ его горячей рѣчи объ оппортинизмѣ, хотѣлъ прервать его изложеніе спора о томъ, развивается ли въ Россіи капитализмъ, или не развивается, но всякій разъ слово останавливалось у меня въ горлѣ.

Я сказалъ это Гельфрейху. Я сказалъ это такъ:

— Я самъ не знаю, что мѣшаетъ мнѣ говорить о ней просто. Между ними что-то есть. Я не знаю что...

Сеничка, ходившій по комнатѣ, помолчалъ, подошелъ къ темному окну и, смотря куда-то въ черное пространство, отвѣтилъ:

— А я знаю. Онъ презиралъ ее, а теперь начинаетъ любить. Потому что видитъ... О, какое черствое, эгоистическое сердце, и завистливое сердце у этого человѣка, Андрей! — воскликнулъ онъ, обратясь ко мнѣ и потрясая обоими руками. — Берегись, Андрей!...

Завистливое сердце? Завистливое... Чему оно можетъ завидовать?

XI.

Изъ дневника Безсонова. Вчера Лопатинъ съ Гельфрейхомъ встрѣтили насъ съ Надей. Вопреки моему желанію, они познакомились. Сегодня утромъ я поѣхалъ къ нему и хотѣлъ не допустить этого сближенія, но не былъ въ состояніи ничего сдѣлать. Они будутъ видѣться, будутъ каждый день просиживать по нѣсколько часовъ вмѣстѣ, и я знаю, чѣмъ это кончится.

Я тщетно стараюсь рѣшить вопросъ, почему я принялъ такое горячее участіе во всемъ этомъ дѣлѣ. Не все ли мнѣ равно? Положимъ, я знаю Лопатина много лѣтъ и, кажется, искренно симпатизирую этому талантливому юношѣ. Я не хотѣлъ бы ему зла, а сближеніе съ падшей женщиной, прошедшей огонь и воду, это — зло, особенно для такой нетронутой натуры, какъ онъ. Я знаю эту женщину сравни-

тельно давно. Я узналъ ее, когда она уже была тѣмъ, что есть. Я долженъ признаться передъ самимъ собою, что было время, когда слабость овладѣла мною, и я, увлеченный ею не совѣмъ обыкновенной внѣшностью и, какъ мнѣ казалось, недюжиннымъ внутреннимъ содержаніемъ, думать о ней больше, чѣмъ бы слѣдовало. Но скоро я побѣдиль себя. Зная уже давно, что легче „верблюду пройти въ игольное ушко“, чѣмъ женщинѣ, вкусившей этого яда, вернуться къ нормальной и честной жизни, и присматриваясь къ ней самой, я убѣдился, что въ ней нѣтъ никакихъ задатковъ для того, чтобы она могла составить исключеніе изъ общаго правила, и съ болью въ душѣ я рѣшилъ предоставить ее судьбѣ. Тѣмъ не менѣе, я продолжалъ съ нею видѣться.

Никогда не прощу себѣ ошибки, сдѣланной мною въ готъ вечеръ, когда Лопатинъ пришелъ жаловаться на свою неудачу. Я проговорился ему, сказавъ, что у меня есть на примѣтѣ субъектъ, годный въ натурщицы. Не понимаю, какъ Гельфрейхъ не сообщилъ ему объ этомъ раньше: онъ знаетъ ее такъ же давно, какъ и я, если не дольше.

Моя неосторожность и запальчивость сегодня погубили все дѣло. Слѣдовало быть мягче; я же вывелъ этого мягко-сердечнаго человѣка изъ себя. Онъ схватилъ какое-то копье и воткнулъ его въ полъ, такъ что стекла задрожали, и я, видя, что, онъ раздраженъ до послѣдней степени, долженъ былъ уйти.

Я нѣсколько дней не видѣлъ Лопатина. Вчера встрѣгилъ на улицѣ Гельфрейха и осторожно навелъ разговоръ на его пріятеля.

Она бываетъ у него каждый день: картина подвигается быстро. Какъ она себя ведетъ? Скромно, съ достоинствомъ. Всегда молчитъ. Одѣта въ черное, бѣдно. Беретъ за сеансы деньги. Ну, а Лопатинъ очень радъ, что нашелъ себѣ такую натурщицу; сначала очень повеселѣлъ, а теперь немного задумывается.

— Я не знаю, Безсоновъ, почему вы такъ интересуетесь всѣмъ этимъ,—сказалъ мнѣ въ заключеніе горбатый. — Вы никогда не принимали въ этой женщинѣ никакого участія. А было время, когда вы легко могли бы спасти ее... Теперь уже конечно поздно... то-есть, поздно для васъ...

Поздно для васъ!.. Поздно для васъ!.. Чтó онъ хотѣлъ сказать этимъ? Не то ли, что если поздно для меня, то не поздно для его друга? Глупцы!

Какъ! И этотъ Гельфрейхъ, который считаетъ себя его другомъ, который знаетъ лучше, чѣмъ я, его отношенія къ сестрѣ-невѣстѣ—и онъ не понимаетъ какое зло творятъ

они? Они не спасутъ эту женщину; Лопатинъ разобьетъ сердце любящей дѣвушки и свое...

Я чувствую, что я долженъ, обязанъ сдѣлать что нибудь. Я пойду завтра къ Лопатину днемъ и постараюсь убѣдиться самъ, какъ далеко зашло дѣло. А сегодня отправлюсь къ ней.

* * *

Я былъ у нея и не нашелъ: она перѣехала неизвѣстно куда. Мнѣ сказали, что она распродала свои платья. Я попробовалъ искать ее, но, несмотря на адресный столъ и услуги дворниковъ, не могъ найти ея слѣда. Завтра иду къ Лопатину.

Необходимо оставить свой прежній образъ дѣйствій. Я ошибся въ Лопатинѣ: я думалъ, судя по его мягкости, что съ нимъ можно говорить повелительнымъ тономъ; нужно сказать, что прежнія наши отношенія до нѣкоторой степени оправдывали такое мнѣніе. Необходимо, не трогая его, дѣйствовать на эту женщину. Было время, когда она, казалось мнѣ, была нѣсколько заинтересована мною. Я думаю, что если я приложу хоть немного старанія, я разлучу ихъ. Быть можетъ, я разбужу въ ней старое чувство, и она пойдетъ за мною.

Ухаживать за Надеждой Николаевной! Эта мысль дика для меня самого, но я останавливаюсь на ней. Я чувствую себя не вправѣ допустить паденіе Лопатина и разрушеніе всей его жизни.

* * *

Эта женщина смѣется надо мною! Я обратился къ ней со всею нѣжностью, на которую я только способенъ; я даже, можетъ быть, говорилъ съ нею унижительнымъ для себя тономъ, и она ушла, сказавъ нѣсколько обидныхъ и презрительныхъ словъ.

Она удивительно измѣнилась. Это блѣдное лицо пріобрѣло какой-то отпечатокъ достоинства, совершенно не идущій къ ея общественному положенію. Она скромна и въ то же время какъ будто бы горда. Чѣмъ ей гордиться?! Пристально вглядываясь въ лицо Лопатина, я думалъ прочесть на немъ исторію его отношеній къ ней. Ничего особеннаго: онъ нѣсколько возбужденъ, но повидимому только своей картиной. Это будетъ превосходная вещь. Она стоитъ въ холстѣ, какъ живая.

Я пересилилъ свой гнѣвъ и, не показавъ вида, что считаю себя оскорбленнымъ, остался съ Лопатинымъ и Гельфрейхомъ. Мы разговорились, и они внимательно слу-

шали мои поученія, касавшіяся разныхъ предметовъ, которыми я въ настоящее время занятъ.

Но что же дѣлать? Оставить дѣло идти такъ, какъ оно идетъ? Однажды я далъ Лопатину обѣщаніе не впутывать въ это дѣло его сестры, Софіи Михайловны. Я конечно долженъ сдержать свое обѣщаніе. Но не могу ли я написать своей матери? Она хотя рѣдко, но видится съ Софьей Михайловной, и можетъ рассказать ей. Я не измѣню слову и въ то же время...

Да, предоставлять такое дѣло самому себѣ не слѣдуетъ; я не имѣю на это никакого права. А эту женщину я заставляю отказаться отъ ея добычи какими бы то ни было средствами... Нужно только узнать, гдѣ она живетъ. Тогда я поговорю съ нею... А теперь оставляю все это и примусь за свою работу. Въ пустой и безцѣльной толчѣ, которую мы всѣ называемъ жизнью, есть только одно истинное, безотносительное счастье: удовлетвореніе работника, когда онъ, погруженный въ свой трудъ, забываетъ всѣ мелочи жизни, и потомъ, окончивъ его, можетъ сказать себѣ съ гордостью: да, сегодня я создалъ благое.

XII.

Записки Лопатина. Шесть дней прошло послѣ свиданія съ Безсоновымъ, а Надежда Николаевна не приходила ко мнѣ. Она прислала только записку, въ которой просила извиненія и ссылалась на какія-то дѣла.

Я показалъ записку Гельфрейху, и мы оба рѣшили, что она нездорова. Нужно было во что бы то ни стало найти ее. Если бы мы знали ея фамилію, можно было бы найти ея адресъ въ адресномъ столѣ; но ни онъ, ни я не знали ея фамиліи. Спрашивать Безсонова было бесполезно. Я отчаивался, но Семенъ Ивановичъ обѣщалъ мнѣ сыскать ее „хоть на днѣ морскомъ“. Вставъ на другой день рано утромъ, онъ одѣлся съ какимъ то озабоченнымъ и рѣшительнымъ видомъ, точно шелъ на опасную экспедицію, и исчезъ на цѣлый день.

Оставшись одинъ, я попробовалъ работать; работа не шла. Я досталъ съ полки книгу и началъ читать. Слова и мысли проходили черезъ мою голову, не оставляя слѣда. Я напрягалъ свое вниманіе всѣми силами и все-таки не могъ одолѣть нѣсколькихъ страницъ.

Я закрылъ эту книгу — умную и хорошую книгу, которую нѣсколько дней тому назадъ читалъ, хотя съ трудомъ, но съ увлеченіемъ и радостью, какія всегда доставляетъ хорошее чтеніе и пошелъ бродить по городу.

Полусознательная смутная надежда встрѣтить если не Надежду Николаевну, то хоть когонибудь, кто далъ бы мнѣ какоенибудь указаніе, все время не покидала меня, и я все время внимательно всматривался въ прохожихъ и не разъ переходилъ на другую сторону улицы, завидя женщину, скольконибудь напоминавшую мнѣ знакомый образъ. Но я не встрѣтилъ никого, кромѣ капитана Грумъ-Скжебицкаго, въ четвертомъ часу дня (былъ конецъ декабря, и уже темнѣло) прогуливавшагося по Невскому проспекту съ важнымъ и осанистымъ видомъ. Было очень тепло; капитанъ шелъ въ довольно шегольскомъ мѣховомъ пальто, разстегнутомъ и раскрытомъ около шеи: цвѣтной атласный галстукъ съ яркой булавкой выглядывалъ изъ мѣха; шляпа капитана блестѣла какъ полированная, а рукой, обтянутой въ модную желтую перчатку, съ толстыми черными швами, онъ опирался на трость съ большимъ костянымъ набалдашникомъ.

Увидѣвъ меня, онъ пріятно и снисходительно улыбнулся и, сдѣлавъ пріятное движеніе рукой, подошелъ ко мнѣ.

— Радъ видѣть мосье Лопатина, — сказалъ онъ. — Весьма пріятная встрѣча.

Онъ пожалъ мнѣ руку и въ отвѣтъ на мой вопросъ о здоровьи продолжалъ:

— Благодарю васъ. Фланируете или же спѣшите куданибудь? Если справедливо первое, то не пройдетесь ли со мною? Охотно повернулъ бы вмѣстѣ съ вами, но привычка, мосье Лопатинъ! Гуляю ежедневно и прохожу Невскій два раза туда и назадъ. Это законъ.

Я хотѣлъ вернуться домой и поэтому пошелъ съ капитаномъ. Онъ съ достоинствомъ поддерживалъ разговоръ.

— Сегодня вторая пріятная встрѣча, — сказалъ онъ. — Видѣлся я также на Невскомъ съ господиномъ Безсоновымъ и узналъ, что онъ также вамъ пріятель.

— Какъ, капитанъ, вы и Безсонова знаете?

— Вы спросите у меня, кого я не знаю! — отвѣтилъ капитанъ, пожимая плечами. — И господинъ Безсоновъ, будучи студентомъ, жилъ въ моемъ отелѣ. Мы были хорошими друзьями, благородное слово. Кто только не жилъ у меня, мосье Лопатинъ! Многіе знатные теперь инженеры, юристы и писатели знаютъ капитана. Да, весьма многіе извѣстные люди помнятъ меня.

И при этомъ капитанъ вѣжливо раскланялся съ быстро проходившимъ мимо господиномъ, съ озабоченнымъ и умнымъ лицомъ. Господинъ, молча, выразилъ на лицѣ недоумѣніе, но потомъ улыбнулся и дружелюбно кивнулъ капитану.

— Не забываетъ старыхъ друзей, а уже въ высокихъ чинахъ, мосе Лопатинъ, этотъ господинъ. Извѣстный инженеръ Петрищевъ. Тоже у меня жилъ студентомъ

— А Безсоновъ? — спросилъ я.

— И Безсоновъ прекрасный господинъ. Нѣсколько слабый относительно прекрасныхъ глазъ слабого пола — прибавилъ капитанъ, нагибаясь къ моему уху

Я почувствовалъ, что сердце у меня забилося сильнѣе. Мнѣ показалось, что капитанъ долженъ знать что нибудь и о Надеждѣ Николаевнѣ.

Капитанъ опять раскланялся съ какимъ-то знакомымъ и продолжалъ:

— Да, если бы это не былъ такой прекрасный молодой человекъ, я бы съ нимъ поссорился, панъ Лопатинъ. Но я помню свою молодость; да кромѣ того, старый солдатъ и теперь еще равнодушенъ къ глазамъ прекраснымъ.

Онъ взглянулъ на меня искоса и подмигнуть; прищуренные глазки его сдѣлались немного масляными.

— Капитанъ, — началъ я — я очень радъ, что вы знакомы съ Безсоновымъ... Я, видите ли, не зналъ этого.

— Да, онъ жилъ у меня весьма недолго

— Не былъ ли онъ знакомъ...

Мнѣ вдругъ стало ужасно совѣстно. Что-то остановило мой языкъ, готовый произнести имя Надежды Николаевны. Я посмотрѣлъ на капитана, влившагося въ меня своими, внезапно измѣнившимися выраженіе, глазами. Теперь онъ былъ похожъ на ястреба.

— Впрочемъ, вы вѣроятно не знаете. Извините, — смущенно dokonчилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня, придавъ лицу своему самое безпечное выраженіе и помахалъ тростью

— Да, старому солдату есть что вспомнить... — продолжалъ онъ, какъ будто бы я у него ничего не спрашивалъ. — Шестой десятокъ начинается, — прибавилъ онъ, печально покачавъ головой. — Завидую, признаться вамъ, мосе Лопатинъ, но завидую только вашимъ юнымъ годамъ

— Гдѣ вы служили, капитанъ? — спросилъ я, вспомнивъ слова Гельфрейха.

Капитанъ внезапно еще разъ совершенно измѣнился. Его лицо сдѣлалось озабоченно серьезнымъ. Онъ посмотрѣлъ направо, посмотрѣлъ налево, обернулся назадъ и близко нагнулся къ моему лицу, такъ, что даже задѣлъ меня за ухо усомъ.

— Между нами, какъ между благородными людьми: Вы видите, панъ Лопатинъ, передъ собою бойца Мѣхова и Опатова!

И онъ, отступивъ на шагъ, посмотрѣлъ на меня вѣзромъ, который, какъ казалось, требовалъ изумленія. Я сдѣлалъ усиліе, чтобы придать своему лицу, приличное случаю выраженіе.

— Это тайна, которую я довѣряю только весьма близкимъ друзьямъ... — опять прошепталъ капитанъ, нагнувшись, и, снова отпрянувъ отъ меня, устремилъ на меня торжествующій взоръ.

Мнѣ осталось только выразить ему благодарность за довѣріе и распрощаться съ нимъ, такъ какъ мы подходили къ Полицейскому мосту.

Я былъ недоволенъ собою: я чуть не назвалъ имени Надежды Николаевны этому человѣку, къ которому не чувствовалъ ни малѣйшаго довѣрія.

Когда я вернулся домой, Алексѣевна объявила мнѣ, что „нашъ кошатникъ“ еще не приходилъ. Она подала мнѣ обѣдать и стала у дверей, выражая на лицѣ своемъ горькое соболѣзнованіе по случаю моего малаго аппетита.

— Что жъ ваша-то, Андрей Николаевичъ, не ходитъ? — спросила она.

— Заболѣла, должно быть, Алексѣевна.

Она покачала головой и, тяжело вздохнувъ, вышла въ кухню, чтобы принести мнѣ чаю. Я давно уже не обѣдалъ иначе, какъ съ Гельфрейхомъ, и мнѣ было очень скучно.

XIII.

Послѣ обѣда принесли письмо отъ Сони.

Я никогда ничего не скрывалъ отъ нея. Когда я умру, — а это случится скоро, смерть уже не подкрадывается ко мнѣ, а подходитъ твердыми шагами, шумъ которыхъ я ясно слышу въ безсонныя ночи, когда мнѣ становится хуже, и меня больше мучатъ и болѣзнь, и воскресающее бывшее—когда я умру, и она прочтетъ эти записки, пусть знаетъ, что никогда, никогда я не лгалъ передъ нею. Я писалъ ей обо всемъ, что думалъ и чувствовалъ, и развѣ только то, чего я самъ не подозрѣвалъ въ душѣ, или въ чемъ не сознавался передъ самимъ собою, хотя смутно чувствовалъ, не попадало въ мои длинныя письма.

Но она знала меня. Несмотря на свои девятнадцать лѣтъ, она чуткой, любящей душой поняла то, въ чемъ я не смѣлъ себѣ сознаться, что ни разу не сказало въ моей головѣ опредѣленными словами.

„Ты любишь ее, Андрей. Дай Богъ тебѣ счастья...“

Я не могъ читать дальше. Какая то большая волна нахлынула на меня, вошла въ меня и почти лишила созна-

нія. Я опустился на спинку кресла и, держа въ рукахъ письмо, долго сидѣлъ, закрывъ глаза и неподвижный, чувствуя только, какъ эта волна зашумѣла и бушевала въ моей душѣ.

Это была правда: я любилъ ее. Я не испыталь еще до сихъ поръ этого чувства. Я называлъ любовью свою привязанность къ сестрѣ; я готовъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться ея мужемъ и, можетъ быть, былъ бы счастливъ съ нею; я не повѣрилъ бы, еслибъ мнѣ сказали, что я могу полюбить другую женщину. Мнѣ казалось, что судьба моя рѣшена: „вотъ жена твоя, сказали мнѣ Господь, и у тебя не должно быть другой“, и въ этомъ я утвердился, спокойный за будущее и увѣренный въ своемъ выборѣ. Любить другую женщину казалось мнѣ ненужной и недостойной прихотью.

И вотъ пришло это странное и несчастное созданье, съ разбитой жизнью и страданьемъ въ глазахъ; жалость сперва овладѣла мною; негодованіе противъ челоѣка, выражавшаго къ ней презрѣніе, сильнѣе заставило меня взять ея сторону, а потомъ... Но Соня была права: я любилъ ее мучительною и страстною первою любовью челоѣка, до двадцати пяти лѣтъ не знавшаго любви. Я хотѣлъ бы вырвать ее изъ ужаса, въ которомъ она терзалась, унести на своихъ рукахъ куда нибудь далеко, убаюкать ее на своей груди, чтобы она могла забыться, оживить это убитое лицо улыбкой счастья... И Соня сказала мнѣ все это одной строчкой письма...

„Обо мнѣ не думай. Я не хочу сказать: забудь меня совсѣмъ, но только то, чтобы ты не думалъ о моемъ страданіи. Я не стану жаловаться на свое разбитое сердце — и знаешь, почему? Потому что оно вовсе не разбито. Я привыкла смотрѣть на тебя, какъ на брата и какъ на жениха: первое было настоящее, а второе, кажется, люди выдумали и навязали намъ. Я люблю тебя больше всѣхъ на свѣтѣ; я могла бы и не писать этого, потому что ты это знаешь самъ; но когда я прочла твое послѣднее письмо и сказала себѣ правду о тебѣ и Надеждѣ Николаевнѣ — повѣрь мнѣ, дорогой мой, что ни капли горечи не влилось въ мое чувство. Я поняла, что я для тебя сестра, а не жена; поняла это изъ своей радости за твое счастье — радости, смѣшанной со страхомъ за тебя. Я не скрываю этого страха; но дай Богъ тебѣ спасти ее, и быть счастливымъ, и сдѣлать ее счастливой.

„Изъ того, что ты писалъ мнѣ о Надеждѣ Николаевнѣ, я думаю, что она достойна твоей любви...”

Я читалъ эти строки, и новое радостное чувство поне-

много овладѣвало мною. Я не раздѣлялъ страха Сони: чего было мнѣ бояться? Какъ и когда это случилось — я не знаю, но я повѣрилъ въ Надежду Николаевну. Вся ея прошлая жизнь, которой я не зналъ, ея паденіе — единственное, что я зналъ изъ ея жизни — казались мнѣ чѣмъ-то случайнымъ, не настоящимъ, какой-то ошибкой судьбы, въ которой Надежда Николаевна не была виновата. Что-то налетѣло на нее, закружило ее, сбilo съ ногъ и повалило въ грязь, и я подниму ее изъ этой грязи, прижму къ сердцу и успокою около него эту изстрадавшую жизнь.

Сильный порывистый звонокъ заставилъ меня вздрогнуть. Не знаю самъ почему, не дождавшись, пока Алексѣвна, шлепая туфлями, прибредетъ, чтобы отворить дверь, я кинулся къ ней и отодвинулъ засовъ. Дверь распахнулась, и Семень Ивановичъ, схвативъ меня обѣими руками, припрыгивалъ на мѣстѣ и кричалъ радостнымъ и визгливымъ голосомъ:

— Андрей, привелъ, привелъ, привелъ!..

За нимъ стояла темная фигура. Я кинулся къ ней, схватилъ ея дрожащія руки и началъ цѣловать ихъ, не слушая, что она говоритъ мнѣ взволнованнымъ, сдерживающимъ рыданія голосомъ.

XIV.

Мы долго просидѣли втроемъ въ этотъ памятный для меня вечеръ. Мы говорили, шутили, смѣялись; Надежда Николаевна была спокойна и даже какъ будто весела. Я не спрашивалъ Гельфрейха, гдѣ и какъ онъ ее нашелъ, и онъ самъ не заикнулся объ этомъ ни однимъ словомъ. Между мной и ею не было сказано ничего, что намекало бы на то, что я передумалъ и перечувствовалъ передъ ея приходомъ. Я не могу сказать, чтобы скромность или нерѣшительность заставляли меня сдерживаться: я просто считалъ это ненужнымъ и лишнимъ; я боялся растревожить ея израненную душу. Я былъ разговорчивъ и веселъ, какъ никогда; Гельфрейхъ изъяснялъ какой-то шумный восторгъ, сіялъ, болталъ безъ умолку и иногда своими выходками заставлялъ улыбаться Надежду Николаевну. Алексѣвна накрыла столъ и принесла самоваръ. Устроивъ все, какъ слѣдуетъ, она стала у притолки и, подперши одну щеку рукою, нѣсколько минутъ смотрѣла на всѣхъ насъ и на то, какъ Надежда Николаевна заваривала чай и хозяйничала.

— Вамъ нужно что нибудь Алексѣвна? — спросилъ я.

— Ничего, милый, миѣ не нужно, такъ, посмотрѣть на васъ только... Ужъ и обидѣлся! — сказала она — нельзя старухѣ и постоять! Вотъ смотрю, какъ у васъ барышня замѣсто хозяйки. Такъ-то оно хорошо!

Надежда Николаевна опустила голову.

— Видишь ты, какъ славно. А то все мужчины да мужчины: и чай разливать, и все. Ужъ и миѣ-то безъ хозяйки скучно стало, Андрей Николаевичъ, правду тебѣ сказать, ужъ ты извини меня...

Она повернулась и застѣменила своими ногами по коридору. Наша веселость пропала. Надежда Николаевна встала и начала ходить по комнатѣ.

Моя картина стояла въ углу. За эти нѣсколько дней я не подходилъ къ ней, и краски успѣли высохнуть. Надежда Николаевна долго смотрѣла на свое изображеніе и потомъ, обернувшись ко миѣ, сказала съ улыбкой:

— Ну, теперь мы скоро кончимъ. Я не стану дѣлать вамъ такихъ перерывовъ. Она будетъ готова задолго до выставки.

— Какъ вы похожи! — вставилъ Сеничка.

Она вдругъ остановилась, какъ будто внезапная мысль помѣшала ей говорить, и съ нахмуреннымъ лицомъ отошла отъ картины.

— Надежда Николаевна, что съ вами? Опять нахмурились? — сказалъ я.

— Ничего особеннаго, Андрей Николаевичъ. Я дѣйствительно очень похожа на этой картинѣ. Миѣ пришло въ голову, что меня знаютъ многіе, слишкомъ многіе... Я представляю себѣ, какъ это будетъ...

Она тяжело дышала, и слезы стояли у нея на глазахъ.

— Я думаю, сколько придется вамъ услышать толковъ, вопросовъ! — продолжала она. — Кто она? Откуда вы ее взяли? И будутъ спрашивать люди, которые знаютъ, кто я и откуда меня можно было взять...

— Надежда Николаевна...

— Вы не погнушались мною, Андрей Николаевичъ, вы и мой милый Сеничка; вы посмотрѣли на меня, какъ на человѣка... Въ первый разъ за три года это случилось. Я не вѣрила себѣ... Знаете ли, отчего я ушла отъ васъ? Я думала (простите меня за это!) я думала, что вы, какъ и всѣ. Я думала: вотъ и я, мое лицо, мое гѣло пригодилось къ чему нибудь нужному, и поэтому пришла къ вамъ. Картина подходила къ концу, вы были со мной вѣжливы и деликатны; я уже отвыкла отъ такого отношенія и не вѣрила себѣ. Я не хотѣла испытать одного удара, потому что отъ этого удара миѣ было бы очень больно, очень больно...

Она сѣла въ глубокое кресло и приложила платокъ къ глазамъ...

— Простите меня, — продолжала она. — Я не вѣрила вамъ. Я съ ужасомъ ждала той минуты, когда вы наконецъ посмотрите на меня тѣмъ взглядомъ, къ которому я уже слишкомъ привыкла за эти три года, потому что никто за эти три года не смотрѣлъ мнѣ въ лицо иначе...

Она остановилась; лицо ея судорожно исказилось и губы задрожали. Она смотрѣла въ дальній уголъ комнаты, какъ будто бы видѣла тамъ что-то.

— Былъ одинъ, только одинъ, который смотрѣлъ не такъ, какъ всѣ... и не такъ, какъ вы. Но я...

Мы съ Гельфрейхомъ слушали ее, затаивъ дыханіе.

— Но я убила его... — едва слышно выговорила она.

И страшный приступъ отчаянія овладѣлъ ею; вопль вырвался изъ измученной груди, и жалкія, дѣтскія рыданія огласили комнату.

XV.

Изъ дневника Безсонова. Я жду, что будетъ. Я былъ недавно тамъ и видѣлъ ихъ вмѣстѣ. Всей силы воли, какая у меня есть, было недостаточно, чтобы продолжать носить на себѣ надѣтую мною маску равнодушія и вѣжливости: я почувствовалъ, что если пробуду еще четверть часа, то сброшу ее и покажу имъ самого себя.

Эту женщину нельзя узнать. Я помню ее три года и привыкъ видѣть въ ней то, чѣмъ она была въ эти года. Теперь я вижу происшедшую въ ней перемѣну, и не понимаю ее, и не знаю, истинна ли эта перемѣна и не составляетъ ли она только роли, искусно разыгрываемой привыкшимъ къ обману себя и другихъ презрѣннымъ существомъ.

Я ничего не понялъ въ ихъ отношеніяхъ. Я не знаю даже, сдѣлалась ли она его любовницей. Думаю почему-то, что нѣтъ. И если это правда, то она искусна, чѣмъ я думалъ. Къ чему она стремится? Сдѣлаться его женой?

Я перечиталъ эти нѣсколько строкъ и вижу, то все, написанное въ нихъ, неправда, кромѣ того, что она измѣнилась. Я самъ, три года тому назадъ, видѣлъ въ ней что-то не совсѣмъ обыкновенное, рѣдко встрѣчающееся среди женщинъ въ ея положеніи. Я самъ чуть не принялъ на себя роли спасителя, которую теперь великодушно разыгрываетъ Лопатинъ. Но я былъ опытенъ тогда, чѣмъ она теперь: я зналъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, и отступилъ, даже не пробуя сдѣлать что нибудь. Ея натура представляла, кромѣ общихъ препятствій въ этомъ отно-

шении, одно специальное: это — какое-то страшное упорство и дерзость. Я увидѣлъ, что она махнула рукой на все и воспротивится при первой же моей попыткѣ. Я не сдѣлалъ этой попытки.

Сдѣлалъ ли ее Лопатинъ? Не знаю. Вижу только, что эту женщину нельзя узнать. Что она бросила свою прежнюю жизнь — я знаю навѣрное. Она перѣхала въ какую-то каморку, куда не пускаетъ ни Гельфрейха ни этого спасителя. ходитъ на сеансы къ нему и кромѣ того шьетъ. Она живетъ очень бѣдно. Она похожа теперь на пьяницу, давшаго зарокъ не пить. Выдержитъ ли она его? Поможетъ ли ей въ этомъ этотъ сентиментальный артистъ, не видѣвшій жизни, ничего въ ней не понимающій?

Вчера я написалъ матери подробное письмо. Она навѣрное сдѣлаетъ все такъ, какъ я предполагаю — женщины любятъ вмѣшиваться въ подобныя исторіи — и передать все Софьѣ Михайловнѣ. Можетъ быть, хоть это спасетъ его.

Спаси его! Отчего я забочусь объ этомъ спасеніи? Первый разъ въ жизни я такъ глубоко задѣтъ чужими дѣлами. Не все ли мнѣ равно, сойдется ли Лопатинъ съ этой женщиной, или нѣтъ, вытащить ли ее изъ грязи, или самъ опустится до нея и въ бесплодныхъ попыткахъ разобьетъ свою жизнь, зароетъ и заброситъ свой талантъ? Я не привыкъ рефлексировать, копаться въ своей душѣ; мнѣ въ первый разъ въ жизни приходится глубоко заглядывать въ нее и подробно анализировать свои чувства. Я не могу понять, что происходитъ въ моей душѣ теперь и что заставляетъ меня выходить изъ себя. Я думалъ (и теперь думаю), что только безкорыстное желаніе предотвратить крупное несчастіе человека, къ которому я расположенъ... Но внимательно вслушиваясь въ свои мысли, я вижу, что тутъ что-то не такъ. Отчего я, желая спасти его, думаю больше о ней? Отчего ея лицо, когда-то буйное и задорное, а теперь поникшее и кроткое, представляется моему воображенію каждую минуту? Отчего она, а не онъ, наполняетъ мою душу страннымъ чувствомъ, въ которомъ я никакъ не могу разобраться и въ которомъ преобладаютъ недобрыйя чувства? Да, быть можетъ, это правда, я не столько хочу ему сдѣлать добро, сколько ей...

Чего? Зла? Нѣтъ, я не хочу сдѣлать ей зла. И между тѣмъ, я хотѣлъ бы оторвать ее отъ него, лишить ее этого покровительства, въ которомъ, быть можетъ, вся ея надежда... О, неужели я хотѣлъ бы стать на мѣсто Лопатина!

Я долженъ видѣть ее сегодня. Вся эта исторія не даетъ мнѣ спокойно жить и спокойно трудиться. Моя работа идетъ вяло, и въ эти двѣ недѣли я не сдѣлалъ и столько.

сколько въ прежнее время дѣлалъ въ два дня. Нужно какъ нибудь покончить этотъ вопросъ: объясниться, объяснить все самому себѣ... и что же потомъ?

Отступить? Никогда! Вся моя гордость подымается при одномъ такомъ предположеніи. Я нашелъ ее. Я могъ спасти, и не захотѣлъ. Теперь я хочу.

XVI.

Записки Топатина. Гельфрейхъ побѣждалъ за докторомъ, жившимъ на одной съ нами лѣстницѣ; я принесъ воды, и скоро истерическій припадокъ прошелъ. Надежда Николаевна сидѣла въ углу дивана, на который мы съ Гельфрейхомъ перенесли ее, и только изрѣдка тихонько всхлипывала. Я боялся потревожить ее и ушелъ въ другую комнату.

Не найдя доктора, Семенъ Ивановичъ пришелъ назадъ и засталъ ее уже успокоившеюся.

Она собралась идти домой, и онъ изъявилъ желаніе проводить ее. Она пожала мою руку, смотря мнѣ прямо въ глаза своими, полными слезъ, глазами, и я видѣлъ на ея лицѣ какую-то боязливую благодарность.

Прошла недѣля, другая, мѣсяцъ. Наши сеансы продолжались. Сказать по правдѣ, я старался растянуть ихъ; я не знаю, понимала ли она, что я дѣлаю это съ намѣреніемъ, но только она часто торопила меня. Она стала спокойнѣе и иногда, правда, рѣдко бывала весела.

Она рассказала мнѣ всю свою исторію. Я долго думалъ надъ вопросомъ: занести ли мнѣ и эту исторію въ свои записки, или нѣтъ? Я рѣшаюсь умолчать о ней. Кто знаетъ, въ чьи руки можетъ попасть эта тетрадь? Если бы я навѣрное зналъ, что ее будетъ читать только Соня и Гельфрейхъ, то и тогда я не сталъ бы говорить о прошломъ Надежды Николаевны: они оба знаютъ это прошлое хорошо. Я попрежнему ничего не скрывалъ отъ сестры и въ письмахъ тогда же передалъ ей весь долгій и горькій рассказъ Надежды Николаевны. Гельфрейхъ зналъ все отъ нея самой. Слѣдовательно, имъ ея исторія въ моихъ запискахъ не нужна. Другіе же... я не хочу, чтобы ее судили другіе! Я зналъ всю ея жизнь, я былъ ея судьбою, и я простилъ ей все, что, по мнѣнію людей, нуждается въ прощеніи. Я слушалъ ея тяжелую исповѣдь и рассказъ о ея бѣдствіяхъ, самыхъ страшныхъ бѣдствіяхъ, которыя только можетъ испытать женщина, и не обвиненіе шевелились въ моей душѣ, а стыдъ и унижительное чувство челоуѣка, считающаго себя виновнымъ въ злѣ, о которомъ ему говорить. Послѣдній эпизодъ ея исторіи наполнилъ

меня ужасомъ и жалостью: слова ея въ тотъ вечеръ, когда ее привелъ Гельфрейхъ и съ нею сдѣлался припадокъ, были не пустыя слова. Она дѣйствительно убила человѣка, сама того не зная. Онъ хотѣлъ спасти ее, но не могъ. Его слабыя руки не въ силахъ были удержать ее на краю пропасти, и не удержавъ ея, онъ кинулся въ пропасть самъ. Онъ застрѣлся. Безъ слезъ, съ какою-то застывшею рѣшимостью она рассказывала мнѣ эту ужасную исторію, и я долго думалъ о ней. Можетъ ли воскреснуть ея разбитое сердце, заживутъ ли такія страшныя раны?

Но раны, казалось, заживали. Она становилась спокойнѣе и спокойнѣе, и улыбка уже не такъ рѣдко появлялась на ея лицѣ. Она приходила ко мнѣ каждый день и оставалась у насъ обѣдать. Послѣ обѣда мы долго сидѣли втроемъ, и чего-чего только не было переговорено въ эти тихіе часы между мною и Гельфрейхомъ! Надежда Николаевна только изрѣдка вставляла свое слово.

Я хорошо помню одинъ изъ этихъ разговоровъ. Гельфрейхъ, все еще не бросая своихъ котовъ, началъ усердно заниматься писаньемъ этюдовъ. Однажды онъ признался, что работаетъ такъ усердно только потому, что задумалъ картину, которую напишетъ, „можетъ быть, черезъ пять, а можетъ быть, и черезъ десять лѣтъ“.

— Отчего же такъ долго, Сеничка? — спросилъ я съ невольной улыбкой, при видѣ важности, съ какою онъ излагалъ свое намѣреніе.

— Оттого, что это серьезная вещь. Это дѣло жизни, Андрей. Ты думаешь, что только люди высокаго роста, съ прямою спиною и прямою грудью, могутъ задумывать серьезныя вещи? О, вы, чванныя дылды! Вѣрь мнѣ — продолжалъ онъ съ напускной важностью — что между этими горбами могутъ жить великія чувства, а въ этомъ длинномъ ящикѣ (онъ стукнулъ себя по темени) рождаются великія мысли.

— Эта великая мысль — секретъ? — спросила Надежда Николаевна.

Онъ посмотрѣлъ на насъ обоихъ и, помолчавъ, сказалъ:

— Нѣтъ, не секретъ. Я расскажу вамъ. Мысль эта пришла мнѣ въ голову уже давно. Слушайте. Какъ-то разъ Владимиръ Красное-Солнышко разсердился за смѣлыя слова на Илью Муромца; приказалъ онъ взять его, отвести въ глубокіе погреба и тамъ запереть и землей засыпать. Отвели стараго казака на смерть. Но, какъ это всегда бываетъ, княгиня Евпраксіюшка „въ тѣ поры догадлива была“: она нашла къ Ильѣ какой-то ходъ и посылала ему по просфорѣ въ день, да воды, да свѣчей восковыхъ, чтобы читать евангеліе. И евангеліе прислала.

Сеничка замолчалъ и задумался, и молчалъ такъ долго, что я наконецъ сказалъ:

— Ну, Семень Ивановичъ?

— Ну, вотъ и все. Конечно, скоро старый казакъ понадобился князю: пришли татары, и некому было выручить Кіевъ изъ бѣды. Пожалѣлъ тогда Владимиръ, горько пожалѣлъ. А Евпраксіюшка послала тотчасъ же людей, чтобы шли въ подвалы глубокіе и выводили Илью за бѣлы руки. Зла Илья не помнилъ, сѣлъ на коня, ну, и такъ далѣе. Переколотилъ татаръ—вотъ и все.

— Гдѣ же тутъ картина, Семень Ивановичъ?

Семень посмотрѣлъ на меня съ выраженіемъ преувеличеннаго изумленія и всплеснулъ руками:

— Художникъ! художникъ! Да еще Лопатинъ, Андрей Лопатинъ! Да тутъ тридцать, триста, три тысячи картинъ, если хочешь, но я изъ нихъ выбираю одну и напишу ее; умру, а напишу! Развѣ ты не видишь, какъ онъ сидитъ въ погребѣ? Развѣ не представляется это тебѣ, какъ живое? Ну, вотъ тебѣ: пещера, погребъ, вообще нора какая нибудь въ родѣ кіевскихъ пещеръ. Узкіе переходы, и въ стѣнѣ небольшая ниша. Пыль, плѣсень, что-то страшное, фантастическое отъ свѣта восковой свѣчи. И сидитъ Илья на приступкѣ, передъ нимъ аналой, и лежитъ на аналоѣ большая, старая святая книга съ толстыми, покособившимися, пожелтѣвшими листами пергамента, и литеры въ ней черныя и красныя. Сидитъ старый казакъ въ одной рубахѣ и внимательно читаетъ, переворачивая непослушные листы книги большими мужицкими, неловкими руками, привычными къ поводу, и къ копыю, и къ мечу, а то и просто къ дубинѣ. Много потрудились эти руки, и отъ сильной работы, что всю жизнь они дѣлали, дрожать, и ходенемъ ходить, и съ трудомъ переворачиваютъ листы святой книги... Эхъ, братъ,—вдругъ перебилъ свою рѣчь Гельфрейхъ—одна бѣда: очковъ тогда не было. Если бы они были, непременно Евпраксіюшка ему бы очки послала, большія, круглыя, въ серебряной оправѣ. Вѣдь онъ дальнорукъ долженъ былъ быть отъ жизни въ степи? Какъ вы думаете?

Мы оба расхохотались. Гельфрейхъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на насъ, потомъ какъ будто понялъ, чему мы смѣемся, и улынулся самъ. Но торжественное настроеніе его разсказа опять взяло верхъ, и онъ продолжалъ:

— Не стану вамъ говорить, какіе у него глаза: это описывать всего труднѣе. И въ глазахъ-то у меня все. Въ глазахъ и губахъ. Ну, такъ вотъ, онъ сидитъ и читаетъ. И раскрылъ онъ мѣсто о нагорной проповѣди, и читаетъ

онъ о томъ, что, получивши ударъ, надо поставить себя подъ другой. И читаетъ онъ это мѣсто и не понимаетъ. Всю жизнь трудился Ильѣ, не покладая рукъ; печенѣговъ, и татаръ, и разбойниковъ извелъ великое множество; разныхъ Тугариновъ Змѣвичей, и Идолинъ Поганныхъ, и поленищъ, и жидовиновъ побѣждалъ; вѣкъ прожилъ въ подвигахъ и на заставахъ, не пропуская злого въ крещеную Русь; и вѣрилъ онъ во Христа, и молился ему, и думалъ, что исполняетъ Христовы заповѣди. Не зналъ онъ, что написано въ книгѣ. И теперь онъ сидитъ и думаетъ: „Если ударятъ въ правую щеку, подставить лѣвую? Какъ же это такъ, Господи? Хорошо, если ударятъ меня, а если женщину обидятъ, или ребенка тронутъ, или наѣдетъ поганый, да начистъ грабить и убивать Твоихъ, Господи, слугъ? Не трогать? Оставить, чтобы грабить и убивать? Нѣтъ, Господи, не могу послушаться Тебя! Сяду я на коня, возьму конь въ руки и побѣду биться во имя Твое, ибо не понимаю я Твоей мудрости, а далъ Ты мнѣ въ душу голосъ, и я слушаю его, а не Тебя!..“ И рука его дрожитъ, и дрожитъ въ ней желтый листъ книги съ красными и черными литерами. Свѣча горитъ тусклымъ пламенемъ; надъ нею тонкая черная струйка копоти вьется и уходитъ въ темноту. И освѣщены этимъ свѣгомъ только Ильѣ да книга, только ихъ двое...

Семень Ивановъ замолчалъ и задумался, откинувшись на спинку кресла и поднявъ глаза въ потолокъ.

— Да,—сказалъ я послѣ долгаго молчанія—это хорошая картина, Сеничка. Только это лучше рассказалось, чѣмъ напишется красками на полотнѣ. Какъ ты выразишь все это?

— Сдѣлаю, непременно сдѣлаю, все сдѣлаю!—съ жаромъ воскликнулъ Сеничка. — Сдѣлаю! Поставлю этого вопросительный знакъ. Ильѣ и Евангеліе! Что общаго между ними? Для этой книги нѣтъ большаго грѣха, какъ убійство, а Ильѣ всю жизнь убивать. И ѣздитъ-то онъ на своемъ жеребчикѣ, весь обвѣшанный орудіями казни—не убійства, а казни, ибо онъ казнить. А когда ему не хватаетъ этого арсенала, или его нѣтъ съ нимъ, тогда онъ въ шапку песку насыплетъ и имъ дѣйствуетъ. А вѣдь онъ святой. Видѣлъ я его въ Кіевѣ... Лежитъ вмѣстѣ со всеми, и сираведливо...

— Все это такъ, Сеничка, но я не то хотѣлъ тебѣ сказать. Не выразить этого краски.

— Какъ не выразить? Вздоръ! Если и не выразить всего, такъ чтожъ за бѣда? Вопросъ поставятъ... Пойди, пойди—горячился Семень, видя, что я хочу перебить. Ты скажешь,

что вопросъ уже поставленъ? Вѣрно! Но этого мало. Нужно задавать его каждый день, каждый часъ, каждое мгновеніе. Нужно, чтобы онъ не давалъ людямъ покоя. И если я думаю, что мнѣ удастся хоть десятку людей задать этотъ вопросъ картиной, я долженъ написать эту картину. Я давно думалъ объ этомъ, да вотъ эти все сбивали.

Онъ нагнулся, взялъ съ пола сидѣвшаго на коврѣ рыжаго кота, который, казалось, внимательно слушалъ его рѣчи, и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Развѣ ты не дѣлаешь того же самаго?—продолжалъ Сеничка.—Развѣ твоя картина не тотъ же вопросъ? Развѣ ты знаешь, хорошо ли поступила эта женщина? Ты заставишь думать людей, вотъ и все. И кромѣ эстетическаго чувства, которое возбуждаетъ всякая картина и которое одно, само по себѣ, стоитъ не очень-то много, не въ томъ ли смыслъ того, надъ чѣмъ мы трудимся?

— Семень Ивановичъ, Сеничка, милый мой, — сказала вдругъ Надежда Николаевна — я никогда не видала васъ такимъ. Я всегда знала, что у васъ прекрасное сердце, по...

— Но вы думали, что я глупенькій горбунчикъ? Помните, разъ вы такъ называли меня?

Онъ посмотрѣлъ на нее и, должно быть, замѣтивъ тѣнь на ея лицѣ, прибавилъ:

— Простите, что я вспоминаю. Эти годы нужно вычеркнуть изъ памяти. Все пойдетъ хорошо. Вѣдь правда, Андрей, все пойдетъ хорошо?

Я кивнулъ ему головой. Я былъ тогда очень счастливъ: я видѣлъ, что Надежда Николаевна понемногу успокаивается и—кто знаетъ?—можетъ быть, жизнь ея за послѣдніе три года сдѣлается для нея только далекимъ воспоминаніемъ, не пережитыми годами, а лишь смутнымъ и тяжелымъ сновидѣніемъ, послѣ котораго, открывъ глаза и видя, что ночь тиха, что въ комнатѣ все попрежнему, радуешься, что это былъ только сонъ.

XVII.

Зима проходила. Солнце подымалось все выше и выше и все сильнѣй пригрѣвало петербургскія улицы и кровли; повсюду изъ трубъ шумѣла вода, и талый ледъ съ громомъ выкатывался изъ нихъ. Показались дрожки, гремѣвшія по кое-гдѣ обнаженной мостовой съ новымъ, воскресшимъ для уха звукомъ.

Я кончилъ картину. Еще нѣсколько сеансовъ, и можно будетъ нести ее въ академію на судъ экспертовъ выставки. Гельфрейхъ заранѣе поздравлялъ меня съ успѣхомъ. На-

дежда Николаевна радовалась, глядя на картину, и на ее лицѣ я часто видѣлъ незнакомое мнѣ до сихъ поръ выраженіе спокойнаго удовольствія. Иногда она даже была весела и шутила, большею частью надъ Сеничкой; Сеничка же весь погрузился въ чтеніе множества книгъ, которыя ему нужно было прочесть, по его словамъ, для картины, въ разсматриваніе альбомовъ со всякими древностями и изученіе евангелія. Его коты разбѣжались; остался только одинъ непремѣнный рыжій котъ, да и тотъ жилъ на покой, почти нетревожимый своимъ хозяиномъ для отпущенія должности натурщика. Со времени нашего разговора объ Ильѣ Муромцѣ, Семенъ Ивановичъ написалъ только одну картину и, продавъ ее за полтораста рублей, считалъ себя обезпеченнымъ деньгами надолго, тѣмъ болѣе, что онъ, къ моему великому удивленію, нисколько не стѣснялся своимъ долговременнымъ пребываніемъ въ моемъ жилищѣ, гдѣ жизнь ему ничего не стоила.

Мы проводили втроемъ почти все свободное время. Гельфрейхъ досталъ гдѣ-то для Надежды Николаевны огромную рукопись, содержащую въ себѣ проектъ какого-то важнаго лица — проектъ, по которому Россія должна была быть облагодѣтельствована въ самомъ непродолжительномъ времени, и она переписывала ее щегольскимъ крупнымъ почеркомъ. Такъ какъ облагодѣтельствованіе Россіи требовало большой работы мысли, то проектъ исправлялся и дополнялся безъ конца и, кажется, и до сихъ поръ не приведенъ къ окончанію. Кто-то переписываетъ его теперь, послѣ Надежды Николаевны?

Какъ бы то ни было, она не бѣдствовала. Того, что она зарабатывала перепиской, и денегъ, получаемыхъ отъ меня за сеансы, ей хватало. Она жила въ той же самой маленькой комнаткѣ, куда переѣхала, скрывшись отъ насъ. Это была узенькая, низкая комната, съ однимъ окномъ, выходившая куда-то въ стѣну; кровать, комодъ, два стула и ломберный столъ, служившій и для письма, и для чая, и для обѣда, составляли все убранство. Когда приходили мы съ Сеничкой, онъ отправлялся къ хозяйкѣ въ кухню и выпрашивалъ себѣ табуретъ. Впрочемъ, эти посѣщенія случались рѣдко; непривѣтлива и мрачна была эта комната, съ которой Надежда Николаевна ни за что не хотѣла разстаться. Большею частью мы собирались у насъ съ Семеномъ Ивановичемъ, гдѣ было и просторно и свѣтло.

Я ни разу не говорилъ съ нею о томъ, что происходило въ моей душѣ. Я былъ сновосенъ и счастливъ настоящимъ; я понималъ, что неосторожное прикосновеніе къ ей, быть можетъ, незакрывшимся душевнымъ ранамъ больно

отзовется на ней. Я могъ потерять ее навсегда, если бы теперь же сталъ настаивать на приведеніе въ исполненіе своей завѣтной мысли, своего желанія и надежды. Можетъ быть, я не могъ бы держать себя такъ спокойно и сдерживаться такъ долго, если бы надежда не была такъ сильна. Я твердо вѣрилъ, что пройдутъ еще полгода, годъ, даже два (время не пугало меня), и она, успокоенная и выздоровѣвшая, увидитъ около себя твердую опору, на которую можно положиться, и сдѣлается моею на всю жизнь. Я даже не надѣялся, а прямо зналъ, что она будетъ моею женой.

Не знаю, видѣлъ ли это Безсоновъ... Онъ иногда приходилъ къ намъ, нарушая наше спокойствіе и внося пеловкость въ наши разговоры. Повидимому, онъ былъ спокоенъ и хладнокровно смотрѣлъ на Надежду Николаевну. Она не заговаривала съ нимъ, хотя отвѣчала ему на его вопросы и слушала его длинные разговоры о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Онъ былъ очень начитанъ и говорилъ хорошо. Отчего-то мнѣ показалось, что онъ сдѣлался такимъ словоохотливымъ и поучительнымъ, чтобы скрывать отъ насъ что-то, прятавшееся за его гладкой рѣчью и не дававшее ему покоя. Послѣ я узналъ, что это было такъ, что своимъ внѣшнимъ спокойствіемъ онъ скрывалъ смертельную язву, убивавшую его, какъ тотъ французскій священникъ, слышій неуязвимымъ и въ битвахъ посившій красный плащъ, чтобы не видно было крови, лившейся изъ его ранъ. Но когда я узналъ это, уже было поздно.

Зачѣмъ-то онъ опять перебрался къ капитану. Одинъ разъ я былъ у него. Новая комната его, какъ и прежняя, была вся завалена книгами, газетами и бумагами, но мнѣ показалось, что все это лежало въ большомъ беспорядкѣ и покрытое пылью, какъ будто давно уже никто не притрогивался къ работѣ въ этой комнатѣ. Дома онъ держалъ себя иначе, чѣмъ у насъ, въ присутствіи Надежды Николаевны; говорилъ мало и мрачно шагаль изъ угла въ уголъ, покуривая папиросу. Я чувствовалъ, что я лишний, и рѣшилъ больше не ходить къ нему. Я спросилъ у него, между прочимъ, не зналъ ли онъ чего нибудь о капитанѣ, и правда ли, что капитанъ „боецъ Мѣхова и Опатова“.

— Сочиняетъ, — сказалъ Безсоновъ. — Онъ и полякъ-то не настоящій. Онъ перешелъ въ православіе когда-то очень давно, и я думаю, что онъ просто хочетъ импонировать молодымъ людямъ, когда открываетъ имъ мнимую тайну.

Я ушелъ отъ Безсонова. Скоро два случая открыли мнѣ глаза на его поведеніе.

Во первых, Соня прислала мнѣ письмо съ описаніемъ разговора, происшедшаго между нею и матерью Безсопова. Старушка иногда заходила къ ней въ институтъ въ пріемные часы, помня участіе, которое всегда принимала въ ней и въ ея сынѣ Сониной мать. По словамъ сестры, на этотъ разъ она пришла съ взволнованнымъ и таинственнымъ видомъ и послѣ нѣсколькихъ неловкихъ предисловій обнаружила, зачѣмъ именно явилась. Сергій Васильевичъ написалъ ей подробно обо всемъ, происходившемъ у насъ. Ему не хватало черной краски, чтобы представить положеніе дѣла въ такомъ мрачномъ видѣ, какъ ему хотѣлось. Онъ не просилъ мать передать содержаніе письма Сонѣ, но сама старушка, изъ чувства благодарности, рѣшила пойти и разказать все, съ цѣлью предупредить ее, чтобы она дѣйствовала, пока еще можно спасти меня. Она была очень удивлена, узнавъ, что сестрѣ уже все извѣстно. Она волновалась. Ей, старой женщинѣ, стыдно было говорить молодой дѣвушкѣ, да еще институткѣ, о подобныхъ вещахъ; но что же дѣлать? Нужно спасти несчастнаго Андрюшу, во что бы то ни стало. На мѣстѣ Сони, она вышла бы изъ института и сейчасъ же поѣхала бы въ Петербургъ, чтобы открыть мнѣ глаза.

„Сергій Васильевичъ — писала Соня — играетъ во всей этой исторіи какую-то странную роль. Я не вѣрю, чтобы онъ написалъ все это матери, не зная, что она навѣрное передастъ все мнѣ и, скажу больше, не желая, чтобы она передала.

„Я пріѣду къ тебѣ въ Петербургъ, но только послѣ экзаменовъ. Если ты согласишься, мы проживемъ дѣло гдѣ нибудь на дачѣ, и я немного подготовлюсь, чтобы не было трудно на первыхъ порахъ на курсахъ“.

Это письмо разстроило меня, но полученное вслѣдъ за нимъ второе, длинное анонимное посланіе, переполнило чашу.

Въ высокопарныхъ кудреватыхъ выраженіяхъ неизвѣстный авторъ предостерегалъ меня противъ печальной судьбы всѣхъ молодыхъ людей, слѣпо предающихся своимъ страстямъ и не разбирающихъ достоинствъ и недостатковъ существа, съ которымъ намѣреваются вступить въ союзъ, „узы какового легки и незамѣтны въ началѣ, но впоследствии превращаются въ тяжкую цѣпь, подобную той, какую влечать несчастные каторжники“. Такъ выражался неизвѣстный авторъ письма... „Вѣрьте благородному слову опытнаго старца, господинъ Лопатинъ, что неравенство въ бракѣ есть вещь весьма ужасная. Вещь эта лишила міръ многихъ великихъ талантовъ; прошу то помнитъ господинъ Лопатинъ“. Затѣмъ стѣдовать цѣлый обвинительный актъ противъ „Надежды“, душа которой на-

зывалась даже „добычею пекла“ (гуть я уже рѣшительно узналъ руку капитана). Она обвинялась въ долгой развратной жизни, изъ которой могла бы выйти, если бы захотѣла, „ибо имѣеть родственниковъ своей фамиліи, хотя весьма удаленныхъ, которые — я увѣренъ въ томъ — извлекли бы падшую изъ ея соціального положенія, но по натуральной склонности сей особы къ разврату, она предпочитала погрязать въ болотѣ, изъ котораго вы тщетно имѣете намѣреніе спасти ее, при чемъ, безъ сомнѣнія, погубите и жизнь свою, и чудный вашъ талантъ“. Она обвинялась въ убійствѣ человѣка, „также весьма порядочнаго господина, не отличавшагося талантами, подобно вамъ, но прекраснаго человѣка, получавшаго на службѣ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ и имѣвшаго въ виду увеличить свое содержаніе, которое было бы весьма достаточно для жизни ихъ обоихъ, ибо на что же могло разсчитывать подобное существо, какъ эта презрѣнная, которая однако, по склонности своей, предпочла отказать этому молодому человѣку, господину Никитину, въ бракѣ, лишь бы продолжать гнусную жизнь свою?..“

Письмо было очень длинное; я не дочиталъ и бросилъ его въ топившуюся печку. Участіе Безсонова въ этомъ дѣлѣ для меня показалось несомнѣннымъ. Съ какой стати капитану заботиться о спасеніи моей души? Вся кровь бросилась мнѣ въ голову, и первымъ моимъ движеніемъ было бѣжать къ Безсонову. Я не знаю, что бы я съ нимъ сдѣлалъ. О капитанѣ я не думалъ: этотъ ренегатъ, скрывающій свое ренегатство, былъ уговоренъ, подпоенъ, можетъ быть, чѣмъ-нибудь запуганъ. Я схватилъ шляпу и былъ уже у дверей, когда опомнился. Лучшее было прежде успокоиться и потомъ уже рѣшить, что дѣлать.

Я утвердился въ этомъ рѣшеніи и, въ ожиданіи Надежды Николаевны, попробовалъ писать кое-какіе аксесуары картины, думая успокоиться въ работѣ; но кисть прыгала по холсту, и глаза не видѣли красокъ. Я одѣлся чтобы выйти и освѣжиться на воздухъ; отворивъ дверь, я увидѣлъ, что передъ ней стоитъ Надежда Николаевна, блѣдная, задыхающаяся, съ выраженіемъ ужаса въ широко раскрытыхъ глазахъ.

XVIII.

Изъ дневника Безсонова. Тоска! Тоска эта преслѣдуетъ меня, гдѣ бы я ни былъ, что бы я ни дѣлалъ, чтобы забыть, утолить ее чѣмъ-нибудь. Глаза мои наконецъ открылись; съ тѣхъ поръ, какъ я ничего не записываю въ этотъ дневникъ, прошелъ мѣсяцъ, и въ этотъ мѣсяцъ рѣ-

шилось все. Куда дѣвалось это хваленое философское спокойствіе? Гдѣ мои безсонныя ночи, проводимыя за работой? Я, тотъ самый я, который гордится тѣмъ, что имѣю характеръ въ наше безхарактерное время, смятъ и уничтоженъ налетѣвшею бурей. . . Какой бурей? Развѣ это буря? Я презираю себя, презираю за свою прежнюю гордость, которая не помѣшала мнѣ склониться передъ пустой страстью; презираю за то, что позволить этому дьяволу въ образѣ женщины овладѣть своей душой. Да, если бы во мнѣ жила вѣра въ сверхъестественное, я не могъ бы иначе объяснить случившееся, какъ навожденіемъ.

Перечиталъ написанныя строчки. . . Чтѣ за унижительныя, жалкія жалобы! О, гдѣ ты, моя гордость, гдѣ сила воли, дававшая мнѣ возможность переламывать себя и жить не такъ, какъ живется, а какъ я хотѣлъ жить? Я унижился до мелочной интриги: написать письмо матери, и она, безъ сомнѣнія, рассказала все, чтѣ я хотѣлъ, его сестрѣ, и изъ этого ничего не вышло; въ нетерпѣніи, я заставлялъ стараго дурака написать безграмотное письмо Попатину — и изъ этого ничего не выйдетъ, я знаю это. Онъ броситъ письмо въ огонь, или, еще хуже, онъ покажетъ его ей, своей любовницѣ, и они вмѣстѣ будутъ читать его, потѣшаться надъ безграмотными изліяніями капиганской души и будутъ издѣваться надо мной, потому что поймутъ, что некому было кромѣ меня, толкнуть капитана на эту пошлость.

Его любовницѣ! Такъ ли это?! Слово сорвалось у меня съ пера, но я до сихъ поръ не знаю, правда ли это? А если это не такъ? Если для меня еще надежда? Чтѣ заставляетъ меня думать, что онъ полюбитъ ее, кромѣ смутныхъ подозрѣній, возбужденныхъ безумной ревностью?

Три года тому назадъ все было возможно и легко. Я лгалъ въ этомъ самомъ дневникѣ, когда писать, что отказался отъ нея, потому что увидѣлъ невозможность снести. Если не лгалъ, то обманывать себя. Ее легко было снести: нужно было только наклониться и поднять ее. Я не захотѣлъ наклониться. Я понялъ это только теперь, когда мое сердце болитъ любовью къ ней. Любовью! Нѣтъ, это не любовь, это страсть безумная, это пожаръ, въ которомъ я весь горю. Чѣмъ потушить его?

Я пойду къ ней и поговорю съ нею. Я соберу всѣ свои силы и буду говорить спокойно. Пусть она выбираетъ между мною и имъ. Я скажу только правду, скажу, что ей нельзя рассчитывать на этого впечатлительнаго человѣка, который сегодня думаетъ о ней, а завтра его поглотитъ что нибудь другое, и она будетъ забыта. Иду! Такъ или

иначе, а это нужно кончить. Я слишкомъ измученъ, и больше не могу...

Въ тотъ же день.

Я былъ у нея. Сейчасъ иду къ нему.

Это послѣднія строки, которыя будутъ написаны въ этомъ дневникѣ. Ничто не можетъ удержать меня. Нѣтъ у меня власти надъ собою...

XIX.

Записки Лопатина. Зачѣмъ тянуть дольше? Не лучше ли кончить свои воспоминанія на этихъ строкахъ?

Нѣтъ, я напишу до конца. Все равно: если я и брошу перо и эту тетрадь, этотъ ужасный день будетъ переживаться мною въ тысячный разъ; въ тысячный разъ я испытаю ужасъ и мученія совѣсти и муки потери; въ тысячный разъ сцена, о которой я сейчасъ буду писать, пройдетъ передъ моими глазами во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и каждая изъ этихъ подробностей ляжетъ на сердце новымъ страшнымъ ударомъ. Буду продолжать и доведу до конца.

Я привелъ Надежду Николаевну въ комнату; она едва стояла на ногахъ и дрожала какъ въ лихорадкѣ. Она смотрѣла на меня все тѣмъ же испуганнымъ взглядомъ и въ первую минуту не могла сказать слова. Я усадилъ ее и далъ ей воды.

— Андрей Николаевичъ, берегитесь. Заприте двери... не впускайте никого. Онъ придетъ сейчасъ.

— Кто, Безсоновъ?

— Заприте дверь, — шептала она.

Онъ овладѣлъ мною. Ему мало безыменныхъ писемъ; онъ дошелъ до насилія.

— Что онъ сдѣлалъ съ вами? Гдѣ вы его видѣли? Успокойтесь. Выпейте еще воды и расскажите. Гдѣ вы его видѣли?

— Онъ былъ у меня...

— Въ первый разъ?

— Нѣтъ, не въ первый. Онъ былъ еще два раза. Я не хотѣла говорить вамъ, чтобы не разстраивать васъ. Я просила его перестать ходить ко мнѣ; я сказала, что мнѣ тяжело видѣть его. Онъ молча ушелъ и не былъ недѣли три. Сегодня онъ пришелъ рано и ждалъ, пока я одѣнусь...

Она замолчала; ей было трудно продолжать.

— Что жъ дальше?

— Я никогда не видѣла его такимъ. Онъ говорилъ сначала спокойно. Онъ говорилъ о васъ. Онъ не говорилъ о васъ ничего дурного; сказалъ только, что вы человѣкъ впечатлительный и увлекающійся и что я не могу надѣ-

яться на васъ. Онъ просто сказалъ, что вы меня бросите, потому что вамъ скоро надоѣстъ возиться со мной...

Она замолчала и расплакалась. О, никогда такія любовь и жалость не овладѣвали мной! Я взяла ея холодныя руки и цѣловала ихъ. Я былъ безумно счастливъ; слова безъ удержу полились изъ устъ моихъ. Я сказалъ, что я люблю ее на всю жизнь, что она должна быть моею женою, что она видитъ и знаетъ, что Безсоновъ неправъ. Я сказалъ ей тысячи нелѣпыхъ словъ, счастливыхъ словъ, по большей части не имѣвшихъ никакого вѣшняго смысла; но она поняла ихъ. Я видѣлъ ея милое лицо, озаренное счастьемъ, на моей груди; это было совсѣмъ новое, немного чужое лицо, не то лицо, съ тайнымъ мученьемъ въ чертахъ, которое я привыкъ видѣть.

Она улыбалась и плакала, и цѣловала мои руки, и прижималась ко мнѣ. И въ ту минуту во всемъ мірѣ не было ничего, кромѣ насъ двоихъ. Она говорила что то о своемъ счастьѣ и о томъ, что она полюбила меня съ первыхъ же дней нашего знакомства и убѣгала отъ меня, испугавшись этой любви; что она не стоить меня, что ей страшно связывать мою судьбу съ своею; и снова обнимала меня и снова плакала счастливыми слезами. Наконецъ она опомнилась.

— А Безсоновъ! — вдругъ сказала она.

— Пусть приходитъ Безсоновъ, — отвѣтилъ я. — Какое намъ съ вами дѣло до Безсонова?

— Пойдите, я кончу, что начала говорить о немъ. Да, онъ говорилъ о васъ. Потомъ о себѣ. Онъ сказалъ, что онъ гораздо болѣе надежная опора, чѣмъ вы. Онъ напомнилъ мнѣ, что три года тому назадъ я любила его и пошла бы за нимъ. И когда я сказала, что онъ обманываетъ самъ себя, вся его гордость вспыхнула, и онъ до такой степени вышелъ изъ себя, что бросился на меня... Пойдите, — сказала Надежда Николаевна, схвативъ меня за руку, когда увидѣла, что я вскочилъ на ноги — онъ не тронулъ меня... Мнѣ жалко его, Андрей Николаевичъ... онъ у меня въ ногахъ валялся, этотъ самолюбивый человѣкъ! Если бы вы видѣли это!

— Что же вы сказали ему?

— Что же было говорить? Я молчала. Я сказала только, что не люблю его. И когда онъ спросилъ — не потому ли, что люблю васъ, я сказала ему правду... Тогда съ нимъ случилось что-то такое страшное, чего я не могу понять. Онъ кинулся на меня, обнялъ меня, прошепталъ мнѣ: „прощай, прощай!“ и пошелъ къ двери. Никогда я не видѣла такого ужаснаго лица. Я упала на стулъ почти безъ силъ.

У двери онъ обернулся, и странно такъ засмѣялся, и говоритъ: „впрочемъ, я еще увижусь съ тобой и съ нимъ“. И лицо его было такъ ужасно...

Она вдругъ перестала говорить и страшно поблѣднѣла, устремивъ глаза ко входу въ мастерскую. Я обернулся. Въ дверяхъ стоялъ Безсоновъ.

— Не ждали? — сказалъ онъ, заикаясь. — Я не обезпокоилъ васъ и прошелъ съ черной лѣстницы.

Я вскочилъ на ноги и сталъ противъ него. И мы стояли такъ долго, мѣряя другъ друга глазами. Онъ былъ дѣйствительно способенъ навести ужасъ. Блѣдный, съ красными, воспаленными глазами, съ ненавистью устремленными на меня, онъ ничего не говорилъ; его тонкія губы только шептали что-то, дрожа. Мнѣ вдругъ стало жаль его.

— Сергѣй Васильевичъ, зачѣмъ вы пришли? Если вы хотите говорить со мной, пойдите и успокойтесь.

— Я спокоенъ, Лопатинъ... Я боленъ, но спокоенъ. Я уже рѣшилъ все, и мнѣ не отъ чего волноваться.

— Зачѣмъ же вы пришли?

— Затѣмъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ. Вы думаете быть счастливымъ съ ней? — онъ указалъ рукою на Надежду Николаевну. — Вы не будете счастливы! Я не позволю вамъ этого.

— Уйдите отсюда, — сказалъ я, дѣлая страшныя усилія, чтобы говорить спокойно. — Пойдите, отдохните. Вы сами сказали, что больны.

Это мое дѣло. Вы слушайте, что я вамъ скажу. Я ошибся... Я люблю ее. Отдайте ее мнѣ.

„Онъ сошелъ съ ума!“ мелькнуло у меня въ головѣ.

— Я не могу жить безъ нея, — продолжалъ онъ глухимъ и хриплымъ голосомъ. — Я не выпущу васъ, пока вы не скажете мнѣ „да!“

— Сергѣй Васильевичъ!

— И вы скажете мнѣ это „да“, или...

Я взялъ его за плечи и повернулъ къ двери, онъ шелъ послушно. Но подойдя къ двери, вмѣсто того, чтобы взяться за ручку, онъ повернулъ ключъ, сильнымъ движеніемъ оттолкнулъ меня и сталъ въ угрожающую позу. Надежда Николаевна вскрикнула.

Я увидѣлъ, какъ онъ переложилъ ключъ въ лѣвую руку, а правую опустилъ въ карманъ. Когда онъ вынулъ ее, въ ней блестѣлъ предметъ, которому я тогда не успѣлъ дать названія. Но видъ этого предмета ужаснулъ меня. Не помня себя, я схватилъ стоящее въ углу копье, и когда онъ направилъ револьверъ на Надежду Николаевну, я съ дикимъ воплемъ кинулся на него. Все покатилося куда-то

съ страшнымъ грохотомъ

Тогда началась казнь.

Я не знаю, сколько времени я лежалъ безъ сознанія. Когда я очнулся, я не помнилъ ничего. То, что я лежалъ на полу, то, что я видѣлъ сквозь какой-то странный сизый туманъ, потолокъ, то, что я чувствовалъ, что въ груди у меня есть что-то, мѣшающее мнѣ двинуться и сказать слово — все это не удивило меня. Казалось, что все это такъ и нужно для какого-то дѣла, которое нужно сдѣлать и котораго я никакъ не могъ вспомнить.

Картина! Да. Шарлотта Кордэ и Илья Муромецъ... Онъ сидитъ и читаетъ, а она переворачиваетъ ему листы и дико смѣется... Какіе пустяки!.. Это не то; это не тотъ вопросъ, о которомъ говоритъ Гельфрейхъ.

Я дѣлаю движеніе и чувствую, что мнѣ очень больно. Конечно, это такъ нужно, иначе и нельзя.

Тишина. Ожившая муха звенить въ воздухѣ и потомъ бьется въ стекло. Рамы еще не вынуты, но сквозь нихъ доходитъ веселое дребезжаніе дрожекъ. Дымокъ расходится передъ моими глазами — странный сизый дымокъ, и я ясно вижу на потолокъ грубую лѣпную розетку вокругъ крюка. Я думаю, что это очень странный орнаментъ; я никогда не замѣчалъ его прежде. И кто-то касается моей руки; я повертываю голову и вижу чью-то руку, маленькую, нѣжную, бѣлую, лежащую на полу. Я не могу достать ея, и мнѣ очень жаль, потому что это рука Надежды Николаевны, которую я люблю больше всего на свѣтѣ...

И вдругъ яркій лучъ сознанія озаряетъ меня и я сразу припоминаю все, что случилось... Онъ убилъ ее.

Не можетъ быть! Не можетъ быть! Она жива. Она только ранена. Помогите! Помогите! Я кричу, но звука не слышно. Только какое-то клочотаніе въ груди душитъ и давить меня и розовая пѣна клубится на моихъ губахъ. Онъ убилъ и меня.

Собравъ силы, я приподнялся и увидѣлъ ея лицо. Глаза ея были закрыты, и она была неподвижна. Я чувствовалъ, какъ волосы шевелятся на моей головѣ. Я хотѣлъ бы лишиться сознанія. Я упалъ къ ней на грудь и покрывалъ поцѣлуями это лицо, полчаса тому назадъ полное жизни и счастья, довѣрчиво прижимавшееся къ моей груди. Теперь оно было неподвижно и строго; маленькая ранка надъ глазомъ уже не сочилась кровью. Она была мертва.

* * *

Когда выломали дверь, и Семень Ивановичъ бросился ко мнѣ, я почувствовалъ, что меня оставляютъ послѣднія силы. Меня подняли и положили на диванъ. Я видѣлъ, какъ взяли и вынесли ее, я хотѣлъ крикнуть, просить, умолять, чтобы этого не дѣлали, чтобы оставили ее здѣсь, подлѣ меня. Но я не могъ крикнуть; я только беззвучно шепталъ, пока докторъ осматривалъ мою, прострѣленную на вылетъ, грудь.

Вынесли и его. Онъ лежалъ съ суровымъ и страшнымъ лицомъ, залитымъ кровью, волной хлынувшей изъ смертельной раны на головѣ.

* * *

Я кончаю. Что еще прибавлять!

Соня пріѣхала сейчасъ же, вызванная телеграммой Семена Ивановича. Меня лечили долго и упорно, и продолжаютъ лечить. Соня и Гельфрейхъ увѣрены, что я останусь живъ. Они хотятъ везти меня за границу и надѣются на это путешествіе, какъ на каменную гору.

Но я чувствую, что мнѣ осталось уже немного дней. Рана моя закрылась, но грудь разрушается другой болѣзью: я знаю, что у меня чахотка. И третья, еще болѣе страшная болѣзнь, помогаетъ ей. Я ни на минуту не забываю Надежду Николаевну и Безсонова: страшныя подробности послѣдняго дня вѣчно стоятъ передъ моимъ душевнымъ взоромъ, и какой-то голосъ, не переставая, нашептываетъ мнѣ на ухо о томъ, что я убилъ человѣка.

Меня не судили. „Дѣло“ прекращено: было признано, что я убилъ, защищаясь.

Но для человѣческой совѣсти нѣтъ писанныхъ законовъ, нѣтъ ученія о невмѣняемости, и я несу за свое преступленіе казнь. Мнѣ недолго уже нести ее. Скоро Господь проститъ меня, и мы встрѣтимся всѣ трое тамъ, гдѣ наши страсти и страданія покажутся намъ ничтожными и потонуть въ свѣтѣ вѣчной любви.

547-315

- Х. Мещанин и Оружей, Хмеля, Мануфа

Sp. 11. 66

PG
3460
G3N3
1920

Garshin, Vsevolod Mikhailo-
vich
Nadezhda Nikolaevna

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 24 04 07 006 4